
ЖИЗНЬ.
VIVRE
ПЕРВАЯ
ЗАБОТА:
РАБОТА
premier souci: l'emploi
РОВЕСНИК
2
1977

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Февраль, 1977 год, № 2

На первой странице обложки: «Первая забота — найти работу!» С этой заботой вступают молодые французы во взрослую жизнь: сегодня во Франции почти полтора миллиона безработных, среди них 46,3 процента моложе 25 лет. Коммунистический еженедельник «Юманите диманш», откуда взята эта фотография, считает безработицу молодых, еще и не переступавших порога фабрики или завода, национальной трагедией страны.

ТРУД И СОЗНАНИЕ РАБОЧИХ

и

другие материалы о положении рабочих Запада, об их отношении к труду и обществу.

ГАВАНА. Здесь подписано соглашение о сотрудничестве и обмене студентами между университетом Орьенте, находящимся в городе Сантьяго-де-Куба, и Ленинградским государственным педагогическим институтом имени Герцена.

Соглашение, рассчитанное на пять лет, предусматривает расширение связей и деловых контактов по таким вопросам, как подготовка профессорско-преподавательского состава, совершенствование системы преподавания в обоих учебных заведениях.

НЬЮ-ЙОРК. Под лозунгом «Мобилизация против «Мобил ойл» прогрессивная молодежь США выступает против одной из самых мощных многонациональных нефтяных корпораций, поддерживающей зловещий режим апартеида в Южной Африке.

«Мобил ойл», — сказала одна из участниц демонстрации в Нью-Йорке, приехавшая из штата Огайо, — выкачивает из Южной Африки огромные прибыли, а там от голода и болезней умирают каждые трое из пяти детей, четыре пятых населения живет в условиях жесточайшей нищеты». Другой участник манифестации добавил: «Мобил ойл» помогает расправляться с африканцами, мы не можем быть пассивными, когда компания позволяет себе подобное».

На снимке: в рядах манифестантов.

ЛУАНДА. В рамках оказания братской помощи Народной Республике Ангола в подготовке национальных кадров Республика Куба предоставила 500 стипендий для обучения ангольских студентов. Программа обучения предусматривает подготовку специалистов для сельского хозяйства, гражданского строительства, сахарной промышленности.

ХАНОЙ. Подводя итоги недавней поездки в Социалистическую Республику Вьетнам, глава делегации ВФДМ П. Лапичирелла в интервью журналу «Женес дю монд» сказал, что кампания солидарности демократической молодежи мира с Вьетнамом не имела себе равных. Самый весомый вклад в нее внесли юноши и девушки Страны Советов. В новых условиях, заявил президент ВФДМ, необходимо продолжить эту работу и в первую очередь оказать Вьетнаму политическую поддержку. Важное место должна занять и материальная помощь. Сейчас ВФДМ предполагает обратиться к прогрессивному юношеству планеты с призывом организовать кампании по сбору средств в фонд реконструкции Вьетнама.

На снимке: открытие школы имени Нгуен Ван Чоя в Дананге, которая была построена на средства, собранные молодежью мира по призыву X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине.





ЛИССАБОН. Согласно официальной статистике около 40 процентов населения Португалии не умеют читать и писать. Особенно много неграмотных в деревне, о которой попросту «забыли» во время полувековой фашистской диктатуры. Отсталостью неграмотных португальцев и сейчас пользуются определенные политические силы.

Свой вклад в дело ликвидации неграмотности решили внести португальские студенты. Учащиеся университетов Лиссабона, Порту и Коимбры выступили с инициативой проведения по всей стране широкой просветительской кампании. Особое внимание будет уделено центральным и южным областям, где процент неграмотных особенно высок. Днем члены бригад будут работать вместе с рабочими и крестьянами, а вечером обучать их грамоте.

МОСКВА. «Мы благодарны за всестороннюю поддержку и солидарность прогрессивной молодежи мира, особенно Ленинского комсомола, с нами, Союзом коммунистической молодежи Испании, которую мы ощущали в прежние годы и чувствуем теперь в нашей борьбе», — заявил Доминго Мартинес, член руководства СКМИ, на пресс-конференции, проведенной в ЦК ВЛКСМ. Отвечая на вопрос «Ровесника» о том, какой вклад вносит молодежь Испании в борьбу трудового народа страны за демократические преобразования, Д. Мартинес сказал, что члены союза, вся передовая испанская молодежь — рабочие, крестьяне, студенты, творческая интеллигенция, жители Каталонии и Страны Басков, выражая стремление к объединению на самой широкой основе, своей упорной повседневной борьбой делают все, чтобы Испания стала на подлинно демократический путь развития.

САН-ХОСЕ. Здесь открылась советская фотовыставка, посвященная молодежи СССР, ее жизни, труду и учебе.

Выступая перед собравшимися на открытии выставки, министр культуры по делам молодежи и спорта Коста-Рики Гидо Саэнс подчеркнул большие успехи, достигнутые советским народом в области культуры, и важность роли, которую играет в развитии страны советская молодежь.

ВИНДХУК. В Намибии, незаконно превращенной ЮАР в свою колонию, нарастает вооруженная борьба за национальное освобождение, ширится мощное движение коренного населения страны против жесточайшей эксплуатации африканских рабочих и грабежа природных ресурсов этого района Африки. Во главе этой борьбы стоит СВАПО — народная организация Юго-Западной Африки. Пример Гвинеи-Бисау, Анголы, Мозамбика, поддержка прогрессивного мирового общественного мнения вдохновляют борцов за освобождение, вселяют уверенность в близость победы.

На снимке: лагерь партизан в саванне. Идет подготовка к очередной операции.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ



ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

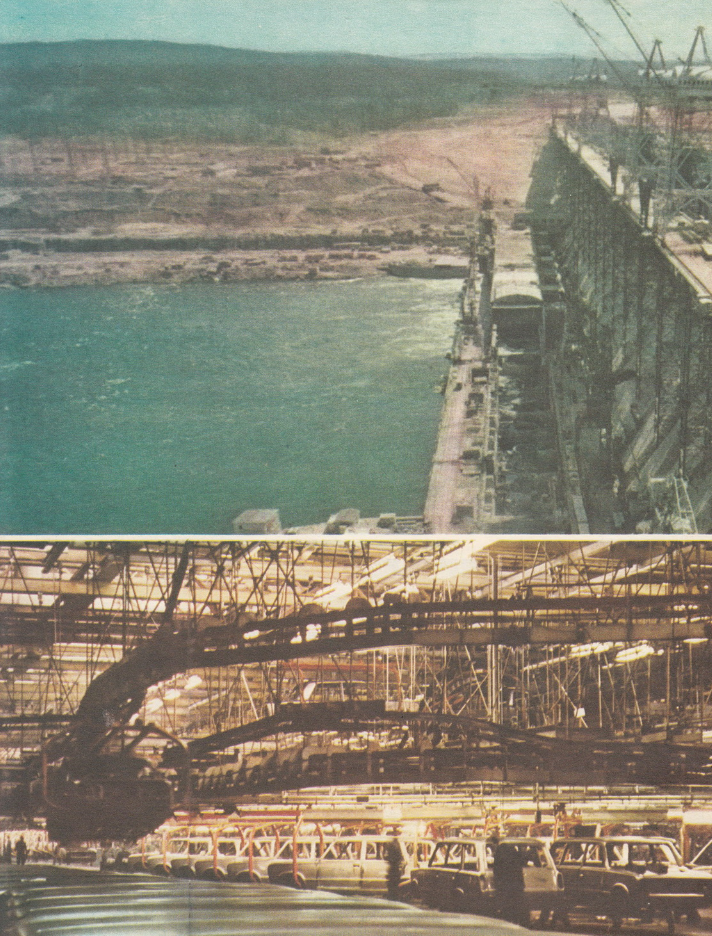
ПАРИЖ. «Французская студенческая молодежь, рабочие, широкие круги демократической интеллигенции проявляют растущий интерес к работам Владимира Ильича Ленина», — сказал в беседе с корреспондентом ТАСС заместитель директора парижского издательства «Эдисьон сосьяль» Жозеф Пентюс. Отметив, что за последние годы во Франции вышло уже свыше 600 тысяч томов ленинских трудов, он сообщил, что ныне издательство повторяет издание массовым тиражом особенно важных ленинских работ. До 1979 года будет выпущено 18 произведений В. И. Ленина. Значительный интерес вызвало здесь и издание 45-томного Собрания сочинений вождя мирового пролетариата.

БРЮССЕЛЬ. По-прежнему остро стоит в Бельгии проблема занятости среди молодежи. Более 73 тысяч человек в возрасте до 25 лет не могут найти работу. Это составляет около 30 процентов всей армии безработных, зарегистрированных в стране. Однако, как отмечает печать, эти официальные данные значительно занижены. Если учитывать временно и частично безработных молодых людей, а также недавних выпускников средних школ, до сих пор не имеющих работы, общая численность безработной молодежи в Бельгии составит около 100 тысяч.

ЛОРЕНСУ-МАРКИШ. Закончился трудовой семестр у студентов университета имени Эдуардо Мондлане и учащихся средних учебных заведений Мозамбика. Более месяца юноши и девушки находились в сельских районах. Они участвовали в кампании вакцинации населения, помогали в создании крестьянских кооперативов. Были организованы разъездные студенческие центры политического просвещения. Их члены выступали перед крестьянами с лекциями о целях и задачах внутренней политики ФРЕЛИМО.

ЛОНДОН. В последние три года в Англии резко сократились государственные расходы на нужды образования. Как предполагают, к 1978 году система образования недополучит 1500 миллионов фунтов стерлингов. Такая мера уже привела к значительному увеличению платы за обучение, а следовательно, закрыла двери в средние и высшие учебные заведения молодежи из небогатых семей. Так же пагубно это отразилось на занятости и заработной плате учителей. Экономическая политика правительства в области образования ведет к безработице сотен выпускников педагогических колледжей. В знак протеста по всей стране проходят студенческие митинги и демонстрации.

На снимке: молодые учителя на демонстрации протеста.



НАВСТРЕЧУ
60-летию ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В предыдущем номере «Ровесника» вы, читатель, познакомились с впечатлениями нескольких молодых зарубежных гостей от поездки по нашей стране. И вполне возможно, читая интервью, иной раз удивлялись про себя: надо же, и плотина для них «фантастика», и БАМ, и даже Дворец пионеров... Но как сказал поэт, большое видится на расстоянье. Мы настолько привыкли к советским масштабам, что за будничной, повседневной работой порой не в полной мере осознаем их. Об этом хорошо сказал на XXV съезде нашей партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «...каждое утро десятки миллионов людей начинают свой очередной, самый обыкновенный рабочий день: становятся у станков, опускаются в шахты, выезжают в поле, склоняются над микроскопами, расчетами и графиками. Они, наверное, не думают о величии своих дел. Но они, именно они, выполняя предначертания партии, поднимают Советскую страну к новым и новым высотам прогресса. И, называя наше время временем великих свершений, мы отдаем должное тем, кто сделал его таким, — мы отдаем должное людям труда».

Сегодня мы снова приглашаем читателей «Ровесника» взглянуть на нашу действительность «со стороны», как она видится зарубежному человеку, только на сей раз вооруженному не пером, а фотоаппаратом. И смотрите: не правда ли, тут есть отчего сказать: «Фантастика!» — и слово это придется как раз впору и для мощной плотины на Ангаре, и для красавца автозавода на Волге. Снимки, публикуемые на этом развороте, сделаны фоторепортерами из берлинского журнала «НБИ» и американского «Нэшнл джиогрэфик мэгэзин».

смотрите!



ТРУД И СОЗНАНИЕ РАБОЧИХ

Еще сравнительно недавно среди западных социологов, изучающих рабочий класс капиталистических стран, модно было говорить о его «обуржуазивании», кардинальном изменении образа жизни, а следовательно, и мировоззрения. В научных изданиях, на страницах массовых газет и журналов на Западе то и дело появлялись публикации, пытавшиеся доказать, что рабочие все глубже врастают в социальную систему буржуазного общества и, добиваясь улучшения своего экономического положения, перестают испытывать враждебность к капиталистической системе, утрачивают свою историческую роль.

Указывалось, что в целом и облик рабочих послевоенных десятилетий, и материальные условия их существования, да и их поведение значительно отличались от того, что было характерным для рабочих в начале века или даже в довоенные годы. Однако, подчеркивая это обстоятельство, буржуазные авторы оставляли в тени тот факт, что изменения в образе жизни, происходившие в послевоенные десятилетия, далеко не в равной мере коснулись всех слоев и всех национальных отрядов рабочего класса. Рядом с рабочими, получавшими определенные выгоды от благоприятной экономической конъюнктуры, складывавшейся в некоторых странах, рядом с более квалифицированными и лучше оплачиваемыми категориями индустриального пролетариата, занятого в технически передовых отраслях промышленности, существовали огромные массы трудящихся, продолжавшие испытывать острую нужду.

Умалчивалось и то, что некоторое улучшение экономического положения пролетариата, разумеется, не было подарком власть имущих. И рост материального благосостояния, и известный прогресс системы социального обеспечения были достигнуты рабочим классом в упорной борьбе. С другой стороны, немалую роль сыграла и политика правящего класса, совершенно осознанно выдвинувшего лозунг «общества потребления», видя в нем одно из важнейших средств «стабилизации системы». Опираясь на достижения начавшейся научно-технической революции, буржуазия фактически стремилась к ко-



КТО ИЗ НАС НЕ РАБОТАЕТ? КТО ИЗ НАС ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЖИВЕТ?

ренной перестройке сознания трудящихся, к воспитанию такого типа человека, для которого обладание набором материальных благ, доступных среднему массовому потребителю, стало бы главным мотивом поведения, подавляющим всякий социальный протест и общественную активность.

Нужно сказать, что у незначительной части рабочих буржуазная политика и пропаганда сумели породить некий «социальный оптимизм», ориентацию на материальный прогресс в рамках существующего общественного устройства. Однако степень реального воздействия изменений в укладе жизни современного рабочего на его сознание была неодинакова и в разных странах капиталистического мира, да и среди разных слоев трудящихся. Во многом это зависело от конкретных исторических условий идеологического и политического развития каждого отряда рабочего класса, от особенностей рабочего движения, сложившихся в ходе всей его предшествующей истории. Наиболее широкое распространение потребительская психология получила в США, где влияние буржуазной идеологии на трудящихся всегда было особенно настойчивым. В таких же странах, как Франция, Италия, где рабочий класс стоял во главе массовой демократической борьбы, где коммунистические партии занимали ведущее положение в рабочем движении, воздействие социальной тактики капитализма на сознание трудящихся оказалось несравненно более ограниченным. Широким слоям рабочих опыт классовой борьбы, революционные и социалистические традиции обеспечили «иммунитет» против насаждаемых буржуазной пропагандой идеалов «общества потребления».

Важно и другое обстоятельство. Чем дальше в прошлое уходили годы материальных лишений, тем яснее становилась рабочим относительность происходящих улучшений их жизни, тем острее они чувствовали, что цена этих улучшений — работа на износ, тем отчетливее вырисовывалась для них та истина, что и в новых условиях возросшего потребительского стандарта они по-прежнему остаются объектом социального угнетения.

— Разве мы перестали быть кули, если имеем телевизор? — эти слова западногерманского рабочего-металлурга, записанные в середине 60-х годов исследовательницей М. Видеман, были одним из свидетельств сохраняющегося в сознании трудящихся глубокого недовольства своей судьбой, показывали надуманность социологических теорий об «обуржуазивании» рабочей массы и ее «примирении» с капиталистической системой. Реальность классовых отношений 60-х годов все убедительнее доказывала, что образ «интегрированного в систему» рабочего не соответствует действительности и что особенности его общественного сознания и психологии значительно сложнее той упрощенной, «одномерной» картины, которая рисовалась буржуазными учеными.

Даже в США большинство рабочих понимало, что корпорации и вообще бизнес их эксплуатируют, что главная цель бизнеса — прибыль, что именно бизнес развязывает войны, подкупает судей и конгрессменов, навязывает правительству свой диктат. Такие взгляды широко распространены не только среди менее обеспеченной части американских рабочих, их разделяют и многие высококвалифицированные рабочие, которых обычно принято относить к числу «рабочей аристократии». «Если администрация хочет получить какую-то выгоду за наш счет, — говорил в конце 60-х годов американский рабочий-инструментальщик, — она так и делает!» Другой «привилегированный» рабочий, столяр-краснодеревщик, говорил о хозяевах предприятия: «Когда они нуждаются в нас, они хорошие. Но когда мы им не нужны, они посылают нас к черту».

Исследования последнего десятилетия обнаружили в сознании рабочего класса на Западе такие черты, которые уже никоим образом не вписываются в рамки прежних буржуазных концепций, авторы которых видели скорее желаемое, чем действительное. Публикуемые сегодня «Ровесником» интервью с рабочими являются лишь одним из примеров, иллюстрирующих рост социальной неудовлетворенности современных рабочих, ощущение своей «второсортности», чувство отчужденности от социальных и политических институтов буржуазного общества, стремление бороться за свои права. И дело здесь, очевидно, не только в том, что рабочее сознание — явление само по себе весьма устойчивое в основных чертах. Гораздо важнее, что положение рабочего класса в капиталистическом обществе, несмотря на определенные изменения, постоянно укрепляет особенности этого сознания. Опыт повседневно убеждает рабочих в коренной противоположности их интересов интересам капиталистических собственников, в необходимости организованной борьбы за лучший жизненный уровень и условия труда.

Американский журнал «Тайм» в 1970 году признавал, что «общество изобилия и растущий уровень жизни являются горькой иллюзией для большинства работников физического труда». Словно иллюстрацией этого вывода звучат записанные в начале 70-х годов журналистом Стадсом Теркелом слова пожилого рабочего-сталелитейщика в Чикаго: «Я собираюсь уходить на пенсию. Но дом, в котором я живу, еще не оплачен. Машина тоже. У меня нет ничего, что я мог бы показать после сорока лет работы».

В то же время недовольство рабочего класса экономическим положением является сегодня лишь одним из источников социального протеста трудящихся. Условия существования рабочих в современном капиталистическом мире вызывают, говоря языком политэкономии, «расширенное воспроизводство» мотивов протеста.

Неприятие многими рабочими современных форм капиталистической эксплуатации порождается качественным изменением запросов и требований, что в значительной степени является следствием возросшего образовательного уровня. Сегодня изменился не только уклад жизни рабочих, но и, если можно так сказать, интеллектуальный облик. В Италии, например, доля рабочих с законченным средним образованием увеличилась с 18,7 процента в 1961 году до 28,5 процента в 1970 году. В Японии удельный вес рабочих-производственников, имеющих незаконченное среднее и среднее образование (в объеме 10—12 классов), увеличился с 15,3 процента в 1950 году до 34,9 процента в 1971 году. В США за последние 30 лет (по данным 1972 года) доля рабочих, имеющих полное среднее образование, более чем удвоилась и составила 69 процентов. Особенно велика доля лиц с полным средним образованием среди молодого поколения. Свыше 79 процентов американских рабочих в возрасте от 18 до 34 лет имеют диплом об окончании средней школы.

Молодежь всегда связывает с образованием надежды на лучшее будущее. Но в условиях современной капиталистической действительности молодое поколение все чаще с горечью сознает, что образование не открывает доступ к более интересной и сложной работе. Разрыв между уровнем образования и характером труда становится все более вопиющим.

По словам американского социолога Э. Левисона, на современном автоматизированном предприятии прежде всего поражает высокая концентрация молодых рабочих на «тупой, неквалифицированной работе», требующей бессознательного подчинения скорости к ритму конвейера, лишенной даже отдаленного напоминания о мастерстве или творчестве, не дающей ощущения причастности к созданию чего-либо законченного и цельного. Это утверждение принадлежит человеку, который сам работал на современных промышленных предприятиях США. «Мне потребовалось, — вспоминает Э. Левисон свою работу на одном из предприятий консервной промышленности, — около пятнадцати минут, чтобы научиться выполнять свою операцию на заводе, выпускающем консервную тару. Я был поставлен между двумя машинами. Та, что стояла позади, разрезала длинные листы алюминия на прямоугольники размером с книгу карманного формата и укладывала пачки этих заготовок в восемь небольших желобов. Машина, стоявшая передо мной, автоматически сворачивала их в цилиндры и пропускала через устройство, скреплявшее один край с другим. Моя работа заключалась в том, чтобы вынимать каждую пачку алюминиевых прямоугольников из желобов, в которых они накапливались позади меня, подравнивать, словно колоду карт, и класть в желоб, находившийся передо мной, откуда они автоматически поступали в машину».

Ситуация, описанная Э. Левисоном, отнюдь не исключительна. Такую же бессодержательную и однообразную работу выполняют рабочие на многих других промышленных предприятиях. Среди нескольких сот рабочих, обследованных социологами Г. Шеппардом и Н. Герриком в штатах Пенсильвания и Мичиган, свыше 60 процентов считали свою работу слишком простой и были убеждены, что любой может выполнить ее.

Безусловно, пока еще ни одно общество не способно предоставить своим членам в равной мере интересный, содержательный труд. Но для широких масс современных рабочих на капиталистических предприятиях труд не просто безынтересен и монотонен, их угнетает и атмосфера бездушия и деспотизма, которая царит там.

«Когда вы попадаете на завод, — говорит рабочий «Форда» в Чикаго, — вы оказываетесь словно в тюрьме».

«Вас здесь просто пересчитывают, как номера, — добавляет английский рабочий. — Обращаются, как с роботами. Вы можете оказаться в ужасном положении, но они вам не помогут».

«Однажды ночью, — рассказывает американский автомобилестроитель, — один парень в моей смене ударился головой о сварочный автомат. Он упал на колени, обливаясь кровью. Кровь просто хлестала из раны. Я остановил конвейер и бросился помочь ему. Но мастер тут же включил его вновь. Это первое, что они всегда делают. Они даже не вызвали медицинскую помощь. Раненый парень сам отправился в медчасть — она находилась в полумиле от рабочего места, — и ему наложили на голову пять швов. Мастер не сказал ни слова. Он просто включил кон-

вейер. Для них мы ничто. Вот почему я ненавижу это место».

«На вас не обращают внимания, — говорит рабочий американского сталелитейного завода. — Вы здесь только номер. Совсем как заключенный. Когда вы докладываете о чем-то начальству, то говорите свой номер. Многие даже не знают вашего имени. Они знают вас по номерному знаку. Мой номер — 44-065. В главной конторе не знают даже, что за человек этот 44-065. Я скажу вам: я ничто. После сорока лет работы я только номер».

Такие высказывания свидетельствуют о накапливающемся в сознании рабочих протесте против самой сути капиталистических общественных отношений, усиливающемся осознании антигуманной сущности капиталистического производства, где личность трудящегося приносится в жертву прибыли.

Новое, более образованное поколение рабочих страдает и от отсутствия возможностей продвижения и личного роста. Проводившиеся в начале 70-х годов в США обследования наемной рабочей силы одиннадцати основных отраслей промышленности показали, что у 63 процентов рабочих возможности продвижения или весьма умеренны, или практически отсутствуют.

О возмущении существующей системой профессионального обучения, практически лишающей надежд на какой-либо рост, свидетельствует публикуемая «Ровесником» история молодого западногерманского рабочего. «О, у них есть великая программа профессиональной подготовки, — горько иронизирует рабочий одного из английских предприятий. — Великая программа. Не могу вспомнить, на какое время она рассчитана: дня на два, я думаю. Правда, я не уверен». Уже упоминавшиеся социологи Г. Шеппард и Н. Геррик выяснили, что почти треть из опрошенных ими рабочих, несмотря на свое относительно благополучное материальное положение, испытывает глубокое разочарование и недовольство от бесперспективности своей судьбы. Молодая английская журналистка Полли Тойнби, написавшая на основе богатых личных наблюдений книгу о рабочих ряда предприятий Англии, свидетельствует: «Большинство рабочих, с которыми я разговаривала, в большей или меньшей степени понимают, что общество безразлично к ним, что все «хорошие» и «стоящие» вещи, о которых они слышали в школе, в действительности предназначены не для таких, как они».

Неудовлетворенность трудом, социальная угнетенность в производственной жизни по-разному воздействуют на сознание. У некоторых возникает безразличие к трудовой деятельности, формируется чисто утилитарный подход к ней. Такие рабочие воспринимают свой труд как неизбежное зло, с которым приходится мириться, поскольку он дает материальную возможность находить удовлетворение в других сферах. «Многие молодые рабочие, — пишет американский исследователь Ст. Аронович, — то ли на фабрике, то ли где-либо еще берут зарплату и уходят. Идея заключается в том, чтобы как можно меньше сосредоточиваться на работе и пытаться жить как можно более полной жизнью в свободные от нее часы». У некоторых рабочих ощущение принадлежности к социальной группе, лишенной возможности «социального прогресса», может порождать чувство обреченности, пессимизма, безысходности. «Я просто приспособился к этому, — говорит английский рабочий. — Я думаю, можно приспособиться ко всему. Все зависит от обстоятельств. Я женат и должен платить за дом по закладной. Такие вещи влияют на ваше отношение к работе. Я просто закрываю глаза и терплю. Я думаю о детях и о следующей премии, которую должен получить. Так и все остальные. Эта работа ужасна, но ее нужно выполнять. Что можешь поделать?..»

Однако в последнее время появляется все больше свидетельств изменения этого типа жизненной ориентации. Среди рабочих, и особенно молодых, усиливается ориентация на иные ценности. Требования все чаще выходят за рамки материальных аспектов занятости. Для все более широких категорий современных рабочих становится характерным активное стремление к сложной, творческой работе, которая предоставляла бы возможность для личного роста, обеспечивала бы определенную самостоятельность в самом производственном процессе и в организации труда. Результаты обследования участников забастовок на 120 предприятиях во Франции в период бурного мая 1968 года свидетельствуют, что одним из основных мотивов протеста было возмущение ролью «инструментов в руках административной иерархии», недовольство «бюрократическим и технократическим характером принятия решений». В США общенациональное обследование обнаружило, что «хорошая оплата» находится на последнем месте среди пяти признаков работы, оцененных рабочими как наиболее важные. На первом же плане оказались условия труда и его содержание. Аналогичные данные были выявлены в 1974 году и в ходе опроса, проведенного в Западной Германии.

Говоря о новых настроениях рабочих, ярко проявившихся во время недавней забастовки на американском автомобильном заводе в Лордстауне, руководитель местного отделения профсоюза Г. Бриннер отметил: «Среди новой массы рабочих многие лучше образованы и менее уступчивы, чем их родители. Для них деньги не являются достаточной компенсацией за жизнь, отдаваемую конвейеру. Парни хотят чувствовать, что они приносят подлинную пользу. Они не хотят чувствовать себя частью машины».

Отчужденность рабочих в процессе производства служит нередко важной предпосылкой радикализации их политических взглядов и настроений. И эта возможность перерастания недовольства рабочих своей производственной жизнью в недовольство социальной системой в целом вызывает серьезную тревогу правящих кругов. Говоря о настроениях трудящихся США, профессор Калифорнийского университета Джон Легетт предупреждает: «Мы можем теперь отвергнуть стереотипное представление об американских рабочих как об однородной массе, неспособной развить свое классовое сознание... Многие рабочие настроены воинственно, и их классовые взгляды предопределяют их политические позиции».

Его опасения вполне обоснованны. Все более важное место в социальном протесте начинают занимать коллективные, организованные формы борьбы. В этом отношении особое значение имела, например, уже упомянутая забастовка молодых рабочих автомобильного завода «Дженерал моторс» в Лордстауне. Во время этой забастовки (по существу, первое массовое исключительно активное выступление молодого поколения американских рабочих — средний возраст участников, почти 10 тысяч человек, 24 года), по сути дела, впервые в истории рабочего движения в США были предприняты организованные и весьма энергичные действия, направленные не на защиту материальных интересов, а против существующих потогонных условий труда. Эта забастовка, получившая особый резонанс не только в США, но и во всех капиталистических странах, была расценена прогрессивными исследователями как предвестница серьезных сдвигов в рабочем движении. Американская писательница Б. Гарсон, опубликовавшая большой репортаж о лордстаунской забастовке, приводит следующее характерное высказывание ее участника о хозяевах «Дженерал моторс»: «Все, о чем они заботятся, — это деньги. Не рабочие и не машины. Только эти проклятые деньги». Другой рабочий, с которым беседовала писательница, еще более краток в оценке хозяев и компании. «Капиталистические свиньи», — бросает он в адрес «Дженерал моторс». Э. Левисон высказал убеждение, что значение лордстаунских событий можно сравнить по своей важности для молодых рабочих с тем, что значило движение за свободу слова в Беркли (Калифорнийский университет) для студенческого протеста, — «это был первый случай, когда индивидуальное недовольство приняло политический характер».

Правда, сегодня в условиях экономического кризиса, сопровождающегося сокращением производства, массовыми увольнениями, ухудшением экономического положения рабочих, трудящимся нелегко отстаивать свои требования. Однако при этом сама неудовлетворенность содержанием и условиями труда не исчезает. Драматизм состояния широких категорий трудящихся в период нынешнего экономического кризиса в том, что усиление недовольства работой сочетается с резко обострившимся страхом потери даже этой работы. Экономический кризис последних лет с особой остротой заставляет рабочего почувствовать социальную ущемленность на капиталистическом рынке труда, вынуждающую его держаться за ту работу, которая нередко ненавистна ему. Поэтому в сознании все большей части рабочего класса укрепляется ощущение взаимосвязанности всех сторон его положения — и неудовлетворительного жизненного уровня, и социальной угнетенности на капиталистическом предприятии. Именно остротой этих ощущений можно, очевидно, объяснить тот факт, что сегодня, несмотря на экономический спад и увеличение резервной армии труда, уровень забастовочной борьбы не только не уменьшился, как это бывало в периоды прошлых экономических кризисов, а, наоборот, возрос. Рабочие середины 70-х годов готовы оказать ожесточенное сопротивление стремлению монополий переложить на их плечи тяготы экономических неурядиц. В сознании трудящихся усиливается понимание необходимости единства и организованности в борьбе с капиталом, чувство собственной силы.

Реальность борьбы трудящихся капиталистических стран за свои интересы, реальность политического поведения их широких слоев (в начале 70-х годов за компартии голосовало, например, 37 процентов французских рабочих, 40 процентов рабочих в Италии) служит убедительным свидетельством беспочвенности надежд буржуазных теоретиков на «прокапиталистическую» перестройку мировоззрения рабочего класса.

Г. ВАЙНШТЕЙН,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института
мировой экономики и международных
отношений АН СССР

ЛЮСЬЕН..., 19 лет (Франция) — французскому журналисту Жану ДЮВИНЬО:

ДА, Я ЗА РАВЕНСТВО...

— Мой отец был сельскохозяйственным рабочим. На виноградниках. Работа, конечно, сезонная, как у всех таких рабочих. И разумеется, его жизнь была не сахар. Сюда, в окрестности М., он перебрался во время войны. Сначала нанялся в небольшую мастерскую, там человек семь-восемь работало, потом устроился на химзавод. Так что настоящим рабочим он стал, можно сказать, уже на склоне лет. Живем мы в недорогом доме, построенном муниципалитетом для рабочих. У нас хороший муниципалитет. Других таких не много сыщешь. Вообще-то, мне здесь не очень нравится. Сплошь камень да асфальт, ни деревца, ни травинки. Особенно моя мать томится, она в деревне родилась, так и не привыкла к городу. Но все-таки и это уже много, если сравнить с тем, как мы могли бы жить: отец однажды показал мне свою родную деревню. Она ничем не отличается от многих других деревень. Крысиная дыра. Настоящая крысиная дыра...

— Значит, твоей семье повезло, что она переехала сюда, рядом с заводом, в новую, так сказать, среду...

— Да, новая среда, конечно. Но ты не представляешь себе, что за дыра была отцовская деревня. Крестьяне часто даже не понимают, что их эксплуатируют так же, как и всех других. Им кажется, раз у них есть свой клочок земли, значит, они свободны. Ерунда это! В городе мелкие ремесленники такие же. Недавно, правда, забастовку устроили. Но кто их настоящие враги, не понимают. А кто им подскажет? Уж не правительство ли? Ты говоришь, нам повезло, что переехали сюда... Оно, конечно, и здесь не рай, но лучше, чем в деревне. Муниципалитет у нас, повторяю, хороший, он для рабочих многое делает. Конечно, пока не хватает детских яслей, да мало ли чего. Но это не вина нашего муниципалитета. Он делает все, что в его силах, но ему мешают крупные компании по торговле недвижимостью, науськивают мелких владельцев: «Не продавайте муниципалитету! Держите все при себе!» В общем, ты знаешь эту песенку. Но мы своего добьемся, будем подавать петиции, действовать.

— Я знаю, у тебя не было особых условий для учебы. Что же ты собираешься делать, как хочешь жить?

— Сейчас я в учениках. Через шесть месяцев меня заберут в армию. Я читал, что в университетах нас, сыновей рабочих, негусто. А если заниматься вечерами после работы... Но как — при родителях, которые посидят часок у телевизора и уже укладываются спать? Да тут еще младший братишка орет — у него зубы режутся. Ну где, где тут примоститься для занятий? Другой вариант — ходить на вечерние курсы. Но легко ли после того, как восемь часов подряд наворочаешься у токарного, как я? Насчет свободного времени... Иногда езжу с ребятами в наш профсоюзный клуб, километров за тридцать отсюда. Есть у нас колымага, на ней и ездим. Приятно посмотреть хороший спектакль, классику, до которой все не доходили руки. Отец мне рассказывал, как видел Жерара Фили-



ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С РАБОТОЙ: КТО КОГО? КТО ДЛЯ КОГО?

па в «Сиде» в Авиньоне. Ну, теперь этого уже не увидишь. В Домах культуры, конечно, не всегда идут такие вещи, но бывает, что и хорошее что-нибудь ставят. Я не получил образования, какого хотел бы, но на классику тянет очень. Я как-то раз слышал, один парень рассуждал насчет культуры. Мол, плевал он на это дело, и все такое. Думаю, он был из породы буржуев. Только буржуй может так рассуждать и охаивать то, что в конце концов было создано лучшими людьми, вышедшими из его же класса. Ну, мы настоящую культуру считаем своей.

— Ты, как говорится, в гуще событий, занимаешься политикой, член профсоюза. Откуда берешь информацию?

— Читаю прессу. «Юма», разумеется (то есть «Юманите». — *Ред.*). Смотрю телепрограммы, слушаю радио в цеху. Когда ожидаются важные события, мы берем с собой на работу транзисторы. Все это радио, телевидение... Знаю, насколько им можно верить, но все равно всей правды не скрыть. Когда случаются события вроде чилийских, то всего не спрячешь. Все такие события мы обсуждаем и на заводе, и где-нибудь в кафе. Соберутся человек тридцать, и пошло́... Стоит послушать, что мы говорим. Мы ведь тоже не лыком шиты. С нами работают два испанца, например. Против Франко воевали. Так-то. Старые бойцы. А есть на заводе и совсем другие — типчики, которые в Алжире воевали. Эти тоже кое-чего повидали. В общем, есть с кем и о чем поспорить, и это всегда интересно. Спорим допоздна. Обычно на темы, о которых говорилось в последних телепередачах. Ведь телевидение, как я понимаю, для того и существует, чтобы люди думали, спорили вокруг тем, которые оно затрагивает. Понятно, я говорю о юге Франции, у нас редко бывает холодно, не то что на севере, там люди, наверное, больше сидят по домам. Но все равно они там тоже любят собраться и поспорить, верно?

— Как подмастерье ты зарабатываешь немного. Хватает тебе денег, чтобы покупать все, что рекламируется по радио, в газетах?..

— Понимаю, ты насчет моего отношения к потреблению. Ха, люди потребляют что могут. И потребляли бы больше, если бы у них было больше денег. Почему не обзавестись холодильником или, скажем, стиральной машиной, если она облегчит матери жизнь, а? В России тоже все эти штуки стоят в домах. И ведь они не мешают социализму. Я даже думаю: наоборот, не помогают ли? Как-то раз я ездил в Италию. Посмотрел, как живут тамошние ребята. В Болонье, например. Оказывается, они думают так же, как мы. Все, что есть лучшего, — все должно быть для нас. Должно быть так, чтобы все для нас, для людей труда, в общем. Что, я читаю тебе лекцию? Агитирую, да? Знаю, ты так именно сейчас и думаешь. Но я так не думаю. Я о факте говорю, о факте. Дальше так. Вернусь из армии, сразу женюсь. Это решено. Моей невесте нравятся не те идеи, что нам. Она скорее за попов. Ну и что, это не смущает ни меня, ни моих родителей, ни друзей. Они все хорошо знают, что мне это различие в идеологиях ничуть не мешает. Человек волен думать о мире как ему угодно, лишь бы человеком оставался. Есть же среди христиан такие, что и в Сопротивлении участвовали, в маки, и против Франко воевали, и в Южной Америке против фашистов борются. Так что главное не в религии. Моя будущая жена готовится стать учительницей начальной школы. Мы познакомились во время одного праздника, на ярмарке. С тех пор не расстаемся. Очень ладим друг с другом. Ее родители живут на востоке Франции, кажется, в Кольмаре. Тоже учителя.

— Тебя не смущает, что твоя жена будет учительницей?

— Только этого не хватало, чтобы меня смущало, ее смущало... Да первый, кто на эту тему заикнется, я ему... Смущаться кого, чего? Мол, рабочий — это парень, который останется тем, что он есть, на всю жизнь? Учительница, как я понимаю, трудящийся человек, как и мы. Мы с Изабель любим друг друга. Чего же еще? Вот отслужу в армии, и поженимся. И точка. Единственное, чего я не хочу, это идти в церковь. Она не спорит со мной. Впрочем, у нас на заводе есть кюре, так он говорит, что это не имеет никакого значения. Мне-то лично плевать, я не хочу идти в церковь только ради отца с матерью. Они всегда были против. Родители Изабель не придают этому особого значения. Вот примерно так. Они довольны, что мы поженимся! А потом, после свадьбы, если Изабель захочет ходить в церковь, пожалуйста, это ее личное дело. Лишь бы кюре не околачивался у нас дома, вот и все. За порогом, пожалуйста, ее личное дело. Но у нас в доме — нет. Правда, я почему-то чувствую. что Изабель недолго будет привязана к церкви.

— Вот вы поженитесь. Ты опять будешь рабочим на заводе. Твой отец батрачил в крысиной дыре, как ты говоришь, потом стал рабочим химзавода. А ты в будущем кем станешь?

— А, ты вот о чем, понимаю... Попробую объяснить. Мой отец работал в двух разных областях. Но он был рабочим, рабочим и остался. Я тоже хочу остаться рабочим. И невеста моя тоже рабочая в некотором роде. Мы об этом часто рассуждаем с приятелями, хотим получше понять, как быть. Одно из двух. Или ты пускаешься на дело, которое сулит барыши, начинаешь загребать деньгу, покупаешь автомобиль, живешь как буржуй и сам очень скоро превращаешься в настоящего буржуя. Или остаешься с товарищами тянуть лямку вместе. Есть такие, которые становятся мелкими хозяйчиками — станция обслуживания автомобилей или еще что-нибудь в том же роде. Но другие хотят быть вместе... Это трудно сформулировать. Я хочу остаться с друзьями, жить вместе с ними. Вот мой отец, он знавал времена Народного фронта [1]. Он знает, что такое массы, которые добились власти.

— Считаешь ли ты, что общество продолжает развиваться, что все может измениться и будущее окажется непохожим на прошлое, да и ты лично сможешь кое-что сделать для этого?

— Ну, конечно, я верю в это! Даже, можно сказать, только в это я и верю... Мало забавного, когда все дорожает, люди подыхают с голоду, не имея самого необходимого: одни становятся все богаче, другие — все беднее. Конечно, надо что-то делать, и это «что-то» будет сделано. Только вот когда, не слишком ли долго придется ждать этого будущего?..

Может, в будущем я попробую поступить в какое-нибудь техническое училище или на курсы... Похоже, во время военной службы можно приобрести разные специальности. Быть настоящим специалистом на заводе, и чтобы на тебя все смотрели с уважением — вот этого я бы для себя хотел. Вот тогда можно любому резать правду в глаза. Я знаю таких парней, тоже подмастерьев, но возрастом постарше. На них смотришь и видишь, что они сто́ят тех, что катаются в «ягуарах» (марка одного из дорогих автомобилей. — *Ред.*). Заметь себе, что мы-то знаем, как работают «ягуары». Правда, сами мы их не покупаем, зато мотор... мотор — это мы.

— Ты не находишь ненормальным такое положение, когда ты своими руками собираешь такие машины, как «ягуар», и влюблен в эти машины, а они не для тебя, и у тебя нет ни единого шанса купить одну из них?

— Я упомянул «ягуара» потому, что здесь, на юге, это чаще видишь на дорогах, чем, скажем, на севере. Но вообще-то правда: я люблю ходить в автомобильные салоны, и мне очень хотелось бы увидеть на выставке машины, которые сработаны моими руками. Само собой, пока что эти машины не про нас. «Ягуара» мне никогда не видать как своих ушей, знаю.

— Ты за равенство?..

— Да, я за равенство между людьми. А как же? Потому я и в профсоюзе. Я не могу спокойно смотреть, как одни не могут свести концы с концами, а другие разъезжают в шикарных авто; как одни и хотели бы, да никогда не смогут учиться, а другие, барчуки, воротят носы от школы и учатся только потому, что папа с мамой их заставляют и платят за учение. Одно могу сказать, и на том я стою: уверен на все сто, что в один прекрасный день мы добьемся всего, за что выступаем. Мы не зря митингуем по два-три часа после работы или теряем рабочие дни ради забастовок. Победа не придет сразу, знаю. Я не верю в чудеса. Но передо мной пример отца и его родителей. Они были упорны, и они создали Народный фронт. Представляешь, что это такое — добиться оплачиваемых отпусков? И других льгот для рабочих? Ну, правда, потом были годы отступления. Была война. А после войны был опять шаг вперед. Потом снова отступление. Это при Старике (имеется в виду де Голль. — *Ред.*). Признаться, при Старике не все было плохо — взять его решение колониального вопроса или его сближение с русскими. Но что касается рабочих — дело другое. Сейчас тоже: мы в обороне. Но долго так не будет, уверен.

Перевел с французского Б. СЕНЬКИН

[1] *В 1935 году по инициативе Французской коммунистической партии был создан Народный фронт, в который вошли коммунисты и другие левые антифашистские силы. В 1936 году Народный фронт, выступавший за сотрудничество с СССР, одержал решительную победу на выборах; пришедшее к власти правительство выполнило ряд требований масс: повышение зарплаты, введение оплачиваемых отпусков и т. д. — Ред.*

Клаус ЛУСТИГ, 19 лет (ФРГ) — в письме в западногерманское издательство «ФИШЕР ТАШЕНБУХ»:

РАССТАВАНИЕ С ИЛЛЮЗИЯМИ

Меня вышвырнули на улицу за то; что написал в журнале «Ран», как в нашей фирме поставлено «профессиональное обучение». Расскажу все по порядку.

Я только-только окончил школу и хотел стать столяром. Обратился в фирму «Браун». Принял меня лично г-н Браун, хозяин предприятия. Он описал блестящие перспективы, которые открывает работа в его фирме: современное производство, выпуск мебели по заказам магазинов. Ну повезло, радовался я и через неделю приступил к работе. Это было 1 сентября 1973 года. Я надеялся, что на таком небольшом предприятии у них наверняка найдется время, чтобы посвятить меня в тонкости столярного дела.

Ерунда... Никто и не думал учить меня. Сунули в руки щетку: подметайка пол! Так и пошло — подметаю, клею оконные рамы, таскаю доски. Я, конечно, не против, пожалуйста, все сделаю, только делу бы учили.

Но хуже всего, что меня заставляли работать с пульверизатором. Занятие не только ничего не дающее ученику, но и вредное для здоровья. Мы имели дело с лаком на нитрооснове. Красили в небольшой комнатенке, окна закрыты. Но, даже когда их открывали, мы еле видели друг друга — как в тумане. Только если кому-нибудь из рабочих становилось плохо, заводили разговор о том, как опасна эта работа. Ни вентиляции, ни защитных масок — ничего. А г-н Браун предпочитал никогда не заглядывать в нашу «газовую камеру».

Фирма водила за нос службу надзора за условиями труда. Г-н Браун кормил всех сказками о том, что он вот-вот начнет строить новое помещение и участок уже, мол, арендован. И разговоры о вентиляции в старых цехах временно замолкали. Мы-то знали, что он арендовал участок не для промышленного строительства. Но даже когда эти сведения дошли до службы надзора за условиями труда, г-н Браун уперся на своем и опять добился разрешения «в порядке исключения» работать по-старому.

За весь срок, отведенный на мое обучение, я не получил практически ничего из того, что было расписано по пунктам в плане профессиональной подготовки. Мой шеф рассуждал так: надо же кому-то и мусор выгребать, а кому же, как не ученику!

Профсоюзные правила хозяин фирмы не ставил ни во что, даже больше того — с тем, кто о них заикнется, один разговор: уволю, и точка! Он и мне пригрозил, чтобы я не вздумал обратиться за помощью в профсоюз. Мол, мигом окажусь на улице. Да-да, так и говорил. А как он злился, если кто-нибудь болел и не выходил на работу...

Я завел дневник, стал записывать все, что происходит в наших мастерских. Я твердо решил рассказать в печати, как шло мое «профессиональное обучение». И вот однажды я послал свои записи в журнал «Ран». Мне хотелось предупредить других, чтобы они, нанимаясь в ученики, не были такими же доверчивыми, как я, и не строили иллюзий.

Журнал «Ран» известен тем, что он не боится затрагивать острые вопросы и не скрывает точных адресов, имен и названий. Так вышло и со мной. Спустя три месяца появилась моя статья — без сокращений, со всеми именами и данными. Недели две спустя, в конце рабочего дня, подходит ко мне хозяин. Злой как черт. И говорит, чтобы я собирал вещички, а письменно он мне все изложит чуть позже. Поворачивается и уходит. Я тут же бегу к ближайшей телефонной будке и звоню Гансу Шмидту, из отделения ОНП (Объединение немецких профсоюзов. — *Ред.*) в Карлсруэ. Рассказываю ему обо всем и спрашиваю, как быть. Он советует работать дальше как ни в чем не бывало. Бегу назад, а у входа меня уже поджидает г-н Браун собственной персоной. Он понял, что я попытаюсь вернуться. И сообщает мне, что я уволен и могу катиться на все четыре стороны. Тут же вручает мне письменное уведомление:

«Дорогой г-н Лустиг! Сегодня мне попал в руки экземпляр журнала «Ран» за май 1975 года, в котором я обнаружил статью, а также фотографию моего ученика Лустига. В статье содержатся грубые измышления обо мне и моей фирме. В связи с этим обстоятельством я не расположен держать Вас далее учеником на моем предприятии и вынужден немедленно прекратить Ваше обучение».

В тот же день я подал жалобу на г-на Брауна и обратился за правовой помощью в профсоюз рабочих деревообделочной промышленности. По закону полагалось провести судебное заседание с целью примирения сторон. Но, как я узнал позже, мой бывший хозяин пытался отвертеться без суда.

Судебное заседание и слушание дела все-таки состоялись. Рядом со мной сидели представитель предпринимателя, юрисконсульт и представитель союза подмастерьев. Чуть поодаль — адвокат от моего профсоюза и Ганс Шмидт. Тут разразилась перепалка: хотели запретить Шмидту присутствовать на заседании. В конце концов согласились на том, что он пересядет на четыре ряда дальше сзади нас и будет молчать.

Началась бестолковая говорильня, иначе не назовешь то, что творилось в зале суда. Пустые аргументы и такие же пустые контраргументы. Наконец, судьям надоело препираться о том, что и так всем было ясно. Тогда суд вынес постановление, что, с одной стороны, моему обучению был причинен серьезный ущерб, а с другой — ученику не подобало писать статью против своего учителя (и хозяина). Что касается моей зарплаты за последние семь недель, которую я еще не получил, то юрисконсульт предложил мне отказаться в пользу г-на Брауна «хотя бы» от 100 марок. Юрист сам советовал мне нарушить договор о зарплате...

В общем, дело кончилось компромиссом. С меня взяли обещание впредь не вредить г-ну Брауну, а также заверение, что я не хотел причинить ему зла своей статьей в журнале. О содержании статьи на суде даже не упоминалось. Суду было достаточно голословного утверждения г-на Брауна, что в статье все неправда, и вопрос о нарушении им своих обязательств по профессиональному обучению и безопасности труда почти не обсуждался.

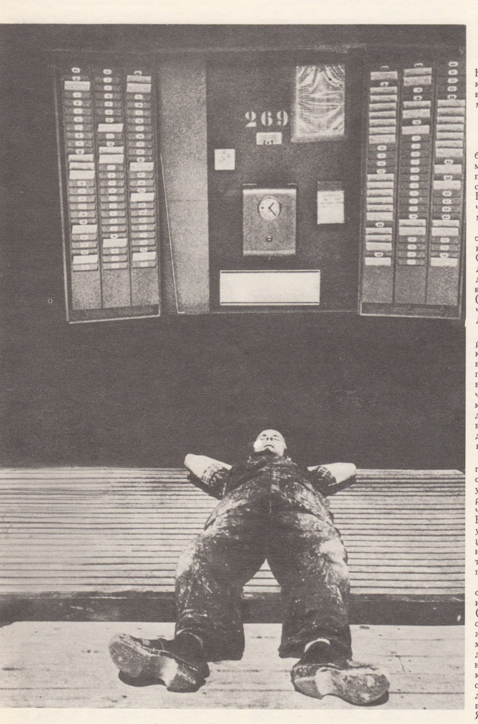
Г-н Браун еще долго тянул с выплатой денег, которые мне причитались. Ясно, что из мести. Потом все же заплатил, но удержал 39,9 марки, будто бы как отчисления на случай болезни.

Я работаю теперь в другом месте, но в фирме «Браун» все остается по-старому. Что был суд, что его не было...

Перевел с немецкого Б. КЛИМАНОВ

Майк ЛЕФЕВР, 37 лет (США) — американскому журналисту Стадсу ТЕРКЕЛУ:

СЛЕД В ЖИЗНИ



«Я ИЗ ВЫМИРАЮЩЕГО ПЛЕМЕНИ. ПРОСТОЙ РАБОТЯГА».

Он живет в Цицеро на окраине Чикаго. Работает на сталелитейном заводе. Жена Кэрол при случае подрабатывает официанткой в ресторане по соседству, в остальное время сидит дома с маленькими детьми, мальчиком и девочкой.

Я из вымирающего племени. Простой работяга. Работа чисто физическая... подними — положи, подними — положи. За день переносишь сорок-пятьдесят тысяч фунтов стали. (Смеется.) Сказать — не поверят. Куски бывают и по четыре фунта, и по четыреста (1 фунт — 453 г). Сдохнуть можно.

Гордиться нечем. Раньше — как? Построит человек дом, так может на него показать, сказать, сколько бревен уложил. Он его строил, он им и гордится. Я вот не думаю, что гордился бы домом, который для меня построил подрядчик. Мне бы все время хотелось дать ему коленкой под зад (смеется) да забрать у него пилу. Потому что, понимаете, мне самому надо к своему дому руки приложить.

Разве можно гордиться мостом, по которому никогда не пройдешь, или дверью, которую никогда не откроешь? Делаешь все для массового производства, а конечного результата так и не видишь. (Задумывается.) Вот когда я работал у фермера, то чувствовал удовлетворение каждый раз, как загружал машину овощами. Я хоть видел, как отъезжает от ворот полный грузовик. На сталелитейном заводе об этом и думать забудь. Куда пойдет продукция, никогда не увидишь.

Меня как-то мастер попрекнул. «Ты, — говорит, — Майк, работник хороший, но отношение к делу у тебя не то». А какое у меня отношение — конечно, я от своей работы не в восторге. Дело я делаю, но чтобы уж так по работе с ума сходить... Если я начну по работе с ума сходить, так уж прямиком к психиатру потопаю. Сталь целый день ворочаешь — что тут может нравиться? Что тут может нравиться, когда ты устал смертельно и только и мечтаешь присесть?

Дело не в самой работе. Кто-то ведь построил пирамиды. Должен же кто-то строить. Пирамиды, «Эмпайр стейт билдинг» (небоскреб в Нью-Йорке. — *Ред.*) — сами по себе они не возникнут. За всем этим тяжелый труд. Вот если бы на здании, ну хоть на «Эмпайр стейт билдинг», сверху донизу шла надпись такой узкой лентой, а на ней имена каждого каменщика, электрика, всех, кто принимал участие в строительстве. Так, чтобы человек мог привести туда своего сына и сказать ему: «Видишь, вон мое имя на сорок четвертом этаже. Я возводил стальные перекрытия». Пикассо покажет свою картину. А я что покажу? Писатель книгу покажет. Надо, чтобы каждому было что показать.

Главное, люди тебя ни во что не ставят.

Если женщина просто домохозяйка, считается, что это унизительно, так? Ладно, просто домохозяйка. Просто рабочий тоже звучит унизительно. Только тут небольшая разница — мужчина на работе может запросто в аварию какую-нибудь попасть.

Когда у меня еще не было семьи, я свободно мог уйти с работы. Колесил по всей стране. Работаешь ровно столько, сколько надо, чтобы деньги в кармане не переводились. А теперь я женат и у меня двое детей... (Умолкает.)

Одно время я на железной дороге грузил товарные платформы, я еще тогда женат не был. Наш старший как-то подошел, схватил меня за плечо и толкнул. Тут я ему кулаком так дал, он с платформы слетел. «Держись от меня подальше, — говорю, — я свое дело делаю, ты, главное, не лезь ко мне, главное, говорю, руки не распускай».

Осла если отхлестать, он тебя тоже лягнуть может. Так что, главное, не лезь ко мне. И так работа тяжелая, что еще ко мне соваться. Да я лучше восемь часов подряд из кожи вон лезть буду, но чтоб не дергали меня, чем пять минут, когда у меня над душой стоят. А с кем ты можешь рассчитаться? С «Дженерал моторс», с этими типами из Вашингтона, с самой системой? Нет ведь, не выйдет.

Я мул, старый мул, вот я кто. Вот глядите. (Показывает рубцы на руках и ногах, ожоги.) Знаете, что мне один парень на работе сказал? «Если мой сын захочет на заводе работать, я из него всю душу вытрясу». Я вот хочу, чтобы мой сын был утонченным снобом. Да-да. (Смеется.) Хочу, чтоб цитировал Уолта Уитмена запросто и чтоб сам этим гордился.

Если самому лучше уже не стать, пусть хоть дети будут лучше. Иначе и жить бы не стоило. Тогда уж можно обратно в пещеры, да там и оставаться. Уверен, пещерный человек, который первым спустился с холма посмотреть, «что это там такое», сделал это не только из любопытства. Он хотел, чтобы его сын вышел из пещеры, вот почему. Точно так же, как я хочу, чтобы мой сын учился в колледже.

Работа у меня такая собачья, что только бы добраться до дому и присесть или лучше прилечь. Но мне нужна разрядка. Мне еще нужно к кому-нибудь обернуться и послать его куда подальше. Понимаете? (Смеется.) Все равно кого, хоть соседа в автобусе. Потому что весь день я хотел послать подальше своего мастера.

Ну, прицеплюсь я к какому-нибудь парню в пивной. И посылаю его. И он меня тоже. Начинается ссора. Он на меня с кулаками, я на него, а на самом-то деле нам хочется двинуть совсем другого. Но здесь, в пивной, самое худшее, что может случиться, это если буфетчик нас выставит, а на работе в два счета потеряешь место.

Вот мой нынешний мастер совсем еще сопляк. Он, видите ли, колледж закончил и думает, что лучше всех. Как-то пилил он меня, пилил, а я ему все: «Ага, ага, ага». Он взвился: «Что еще за «ага»? Надо говорить «да, сэр». А я ему: «Ты кто, может, Гитлер? Как же, буду я тебе говорить «да, сэр». Я сюда работать пришел, а не пресмыкаться. Тут небольшая разница есть». В общем, слово за слово, мне же хуже вышло. Понизили разряд, и я потерял двадцать пять центов в час, а это очень даже много. В неделю, значит, десять долларов. Мастер подходит ко мне, после всего, что было, и улыбается. Я прямо взбесился. В этот момент он был на волосок от больничной койки. «Пошел ты, — говорю, — знаешь куда». Он как раз мне что-то сказать хотел и пальцем указывал. Я его беру за палец и засовываю руку назад в карман. За палец я схватил его потому, что женат. А если б у меня семьи не было, я бы его за голову схватил, так-то.

Ворочаю тяжести вручную и знаю, что все это могла бы делать машина. (Смеется.) Чего уж, машина вполне может работать за человека, иначе как бы запускали космические ракеты. Их посылают в космос и без людей, а в это время человека на сталелитейном заводе заставляют работать как вьючную скотину. Почему так?

Что думаю об автоматизации? Ну, это смотря как. Если мне из-за нее вылетать на улицу, тогда я ее просто боюсь, а если автоматизация сократит мою рабочую неделю, то я за нее. Читали вы все эти статьи: что, мол, будете делать, если вас заменит компьютер? Взрывать буду компьютеры. (Смеется.) А что, в самом деле. Я, значит, голодай, а этот чертов робот за меня жрать будет? Мне же нужно детишкам на молочишко да и себе на пиво. Машина может человека освободить, а может и рабом сделать. Она-то предмет неодушевленный, от людей зависит, что она со мной сделает.

Если бы у меня была двадцатичасовая рабочая неделя, я бы и жену свою знал лучше и ребят. Меня как-то парень один пригласил в студенческий кампус. Летом дело было, в субботу. Если выбирать — с семьей на природу или одному в студенческий кампус, — конечно, я выберу пикник с семьей. А при двадцатичасовой рабочей неделе я бы и то и то успел. При лишних двадцати часах люди могли бы очень вырасти. Ведь торчать на заводе жизнь заставляет. А «цветных» возьмите. Эйнштейн необязательно должен быть белым. Может, потенциальные Эйнштейны потеют на хлопковых полях или на заводах.

Или взять простого рабочего парня. Он что, уж обязательно такой тупица? Просто он очень устает. Как-то взял я почитать книгу по шахматам. Так она у меня недели три на столе нераскрытой провалялась, так уставал на работе. А в свободный день надо погулять с детьми. Не будешь же сидеть носом в книгу, когда сын просит: «Папа, пойдем в парк». Так что забудь о книгах.

На работе обычно как? Что-то делаешь руками, а голова совсем от работы отключается. Я на завод влетаю без десяти семь. Поздороваешься с ребятами, перебросишься парой слов. Надеваешь защитную каску, обувь специальную, защитные очки и топаешь к станку. Металл зачищают, промывают, погружают в краситель, а мы его вынимаем. Положи — вынь, положи — вынь, положи — вынь...

Здороваюсь со всеми, кроме босса. В семь — начинается. Руки у меня устают уже в первые полчаса. Усталость эта, правда, не становится больше, ну, может, только перед самым концом работы. Я работаю от семи до трех тридцати. Значит, руки устают в половине восьмого и еще в три. Я даже хочу, чтобы усталость чувствовалась в это время, так хоть знаю, — вот начало работы, а вот конец. А в промежутке я о работе не думаю.

Если вас поставить перед платформой, на которую надо погрузить пятьдесят стофунтовых мешков картошки, а впереди еще пятьдесят таких платформ, и этим вы должны заниматься весь день, вы что, о картошке, что ли, станете думать? Да если человек не псих какой-нибудь, он никогда о такой работе не думает и не говорит, думает о бейсболе, или о том, как бы выпить, или о девочках. Может, только у одного из ста все работа на уме.

Я весь день мечтаю. Представляю себе, например, шикарную блондиночку из Майами, в чей карман уплывают мои профсоюзные взносы. (Смеется.) Я о профсоюзной верхушке не лучшего мнения, чем о руководстве компании. Прожигают мои денежки. Представляю февраль в Майами. Тепло, хорошо.

Но кому-то надо работать. Мне хотелось бы, чтобы мой сын, если он когда-нибудь поступит в колледж, понимал, что его отец — один из таких работяг, и уважал бы мой труд. Поэтому даже (задумывается) — да, даже черные... (тяжело вздыхает). Как я могу ненавидеть черного парня, с которым бок о бок весь день работаю? Вот интеллектуалов этих черных я не уважаю. И белых тоже. Не терплю, когда черный экстремист кричит мне над ухом о том, что их триста лет угнетают, а я в это время вкалываю как черт. Понимаете? (Смеется.) У меня для таких один ответ: поди скажи это Рокфеллеру. Или кому еще. Что ты ко мне-то пристал? Мы с тобой в одной упряжке. Так что не лезь лучше ко мне. (Смеется.)

После работы я обычно захожу в пивную. Холодного пива, скорее холодного пива. Когда у меня еще не было семьи, я ходил во всякие злачные местечки и ввязывался в ссоры, просто чтобы разрядиться. Вот здесь, на руке, у меня отметина. (Показывает шрам.) Это меня велосипедной цепью стеганули. О-хо-хо. Да, старею. (Смеется.) Я уже не тот. Сломлен, можно сказать. (Быстро.) Нет, меня так просто не сломишь. (Вздыхает.) Когда ты помоложе — обмениваешься ударами, а становишься старше — так крепкими словечками.

Домой придешь, с женой, бывает, поцапаешься. Потом — телевизор, новости эти человека с ума свести могут. Я на любую программу переключаю, чтобы новости не смотреть. Не хочется ложиться спать в плохом настроении. Нельзя на человека со всеми проблемами мира наваливаться, нечего его беспокоить, ему надо расслабиться. С него хватает и причитаний жены.

Знаете, что я делаю в первые двадцать минут, как возвращаюсь домой? Вот угадайте... Я наклеиваю на лицо улыбку. У меня дочке три года. Иногда она спрашивает: «Папа, где ты был?» — «На работе», — говорю. Я с таким же успехом мог бы ей сказать, что был в Диснейленде. Разве трехлетний ребенок знает, что такое работа? Если мне несладко, не могу же я отыгрываться на детях. Невинные ведь существа. И на жене тоже не будешь злость срывать. Вот и идешь в пивную. Лучше там дать себе волю, чем дома. Что делает актер, когда ему не удается фильм? Мой фильм каждый день не удается.

Мне, чтобы вставать вовремя, будильник не нужен. Я могу сидеть в пивной всю ночь, лечь в четыре, а в шесть — хоп! — проснулся. (Смеется.) Это даже не сон, это почти смерть. Лежишь как мертвый, все в тебе оцепенело. Часы будто вросли в тебя, к этому просто привыкаешь. И неважно, когда ложишься: в полночь или в половине десятого.

— А что вы делаете в выходные дни?

— Пью пиво, читаю. Видите книгу? «На-

силие в Америке». Доклад какой-то комиссии, которые они вечно в Вашингтоне организуют. Такие вещи я читаю в свободный день. А на неделе... да, мне это только что пришло в голову. С понедельника по пятницу я почти что не читаю. Ну, разве что попадется под руку эдакое, солененькое, понимаете? (Смеется.)

Как-то, давно еще, пошли мы выпить с одним парнем. Он студент. Работал вместе со мной. Вечно меня поучал, что насилие необходимо, чтобы изменить систему, и всякое такое. Пошли мы с ним в одно местечко, где шпаны полно. Там какой-то тип, которого я раньше и в глаза не видел, говорит мне: «Ты, я вижу, ловкий парень». Я ему: «Что вам угодно?» (Смеется.) А он: «Мне угодно дать тебе коленом под зад». Говорю ему, чтобы не лез ко мне. «А ты кто такой есть?» — спрашивает. Я его опять предупреждаю. Снова он ко мне подходит и чего-то там говорит такое. Тут я ему сказал: «Я женщин, пьяных и дураков не бью. Оставь меня в покое».

Тогда этот тип позвал своего брата. А студент, что был со мной, тянет меня за руку: «Майк, давай лучше уйдем». — «Чего ты волнуешься», — говорю ему. (Смеется.) Часто ведь так пристают. Сначала по-хорошему пытаешься его отшить, а нет, так и двинуть недолго.

Бар скоро должен был закрыться, и мы остались. Мы могли бы уйти, но, когда к тебе в таком месте привязываются, лучше не уходить, если снова когда-нибудь сюда прийти хочешь. Дерешься, раз надо.

Только я вышел, на меня прыгнул один из этих типов и схватил за шею. Я ухватил его за руку и швырнул о стену, потом взял вот тут (показывает на горло) и ударил несколько раз о стену головой. Он стал сползать вниз. А другой парень, его брат, хотел ударить меня солдатским ремнем, но промахнулся и попал по стене. Смотрю вокруг — где же мой приятель, который любит насилие и все такое. (Смеется.) А его нет. Удрал. (Смеется.) Встречаю его на следующий день на работе. Да что там, он еще сопляк, не могу я на него злиться по-настоящему. Как-то он увидел у меня книжку в заднем кармане, удивился. Спрашивает: «Ты что, читаешь?» — «Что значит «читаешь»?» — говорю. Он отвечает: «Да ведь все здешние кретины читают только спортивные страницы газет. А тебе на что книга?» Тут я ему выдал: «Это кто кретины? Что ж ты с грязью мешаешь человека, который работает, чтобы кто-то другой мог учиться!» Сноб он, вот кто, в свои девятнадцать лет.

— Но вы же хотите, чтобы и ваш сын стал утонченным снобом?

— Да, хочу. Хочу, чтоб сын посмотрел на меня и сказал: «Отец, ты хороший парень, но кретин все-таки страшный». Да, черт возьми, хочу, чтобы мой сын сказал, что не будет похож на меня...

Если бы я нанимал людей на работу, платил бы им по справедливости, знал бы фамилию, имя каждого, старался бы, чтобы штат компании был как можно меньше и можно было бы всех лучше знать. Все, что бы я делал при найме на работу — пожал бы человеку руку — приступайте, до завтра. Никаких анкет, ничего. Я бы не интересовался ничьим прошлым. Никого ведь не интересует родословная мула, верно? А о человеке всё норовят выведать. Представьте только, подходишь к мулу и говоришь: «Интересно, кто был его дедушка?»

Хорошо бы быть хозяином такого заведения — книжного магазина и пивной сразу. (Смеется.) Нет, правда, там могли бы собираться студенты и рабочие, разговаривать. Рабочий там не стеснялся бы показать, что знает стихи Уитмена, а профессор не скрывал бы, что в воскресенье сам красил свой дом.

Если плотник строит дом для поэтов, то пусть поэты на стене этого дома напишут четверостишие, посвященное плотнику. Такая небольшая табличка: «Хоть мы работаем головой, место это, где мы можем отдохнуть, построил тот, кто умеет работать руками. И его труд так же почетен, как и наш». Думаю, что поэт в долгу перед тем, кто строит для него дом.

О понедельнике я стараюсь не думать. Знаете, о чем я думаю в воскресенье вечером? О следующем воскресенье. Когда у тебя по-настоящему тяжелая работа, то мечтаешь о вечном отдыхе. Но не о вечном сне... Черт, если бы я мог как-нибудь по-другому зарабатывать себе на жизнь!

Кто-то, не помню кто, сказал, что нет ничего прекраснее неоконченной симфонии. Так же, как и неоконченной картины, неоконченного стихотворения. Если тебе дать на работу всего один день... Ну взять «Сикстинскую капеллу» Микеланджело. Он же работал над этим чудом очень долго. А если бы ему пришлось создавать «Сикстинскую капеллу» тысячу раз в год? Вам не кажется, что даже для Микеланджело это было бы слишком? Или, если бы да Винчи пришлось рисовать свои анатомические атласы тридцать, сорок, пятьдесят; шестьдесят, восемьдесят, девяносто, сто раз в год? Не надоело бы ему?

— Вы вот говорили о тех, кто строил пирамиды, не о фараонах, а о тех, безвестных. Вы себя тоже к ним относите?

— Да. Я тоже хочу оставить свою подпись на пирамидах. Иногда я оставляю на вещи, над которой работаю, маленькую выбоину. Просто чтобы сделать ее не такой, как остальные. Беру и ударяю молотком. Специально, чтобы посмотреть, сойдет так или нет, а если нет, то сказать, что это сделал я. Это может быть что угодно. Я думаю, господь создал птицу дронт[1] специально для того, чтобы, когда мы отправимся к нему и спросим: «Неужели вы никогда не ошибаетесь?», ответить: «Конечно, ошибаюсь. Вот смотрите». (Смеется.) Я хочу оставить свой след. Свою птицу дронт. Пусть ошибка, зато моя. Если все здание сложено из красного кирпича, я хотел бы положить один черный, или белый, или лиловый. Нарочно ввернуть.

Может, это звучит банально, но мой сын — это мой след в жизни. Он моя свобода. В одной из книг Хемингуэя, по-моему, в «По ком звонит колокол», есть такие строчки. Они в тылу врага, где-то в Испании, и она беременна. Она хочет остаться с ним. Он ей не разрешает. Он говорит: «Если ты погибнешь, то и я погибну». Он знает, что ему не уцелеть. «Но если ты будешь жить, я останусь живым». Понимаете, о чем я? Твое продолжение. Понимаете? Для этого я работаю. Когда я вижу, как проходит мимо парень, одетый с иголочки, при галстуке, я сразу думаю о своем сыне, понимаете? Так-то.

Перевела с английского Н. ТОЛКУНОВА

[1] *Вымершая птица, не умевшая летать. (Прим. перев.)*

Капитализм сходит с исторической сцены. Рабочий класс и революционные движения составляют растущую и развивающуюся силу. Поэтому эти лагери смотрят на исторический процесс с противоположных точек зрения.

Никого не должно удивлять, что имеются, по сути, два теоретических направления, два различных подхода к нашей истории. Может быть, некоторых из вас удивит, что первая строчка «Манифеста Коммунистической партии», написанного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом 128 лет назад, четко проводит грань и определяет ту проблему, которая разделяет два теоретических направления и два подхода к истории нашего 200-летнего существования.

«Манифест Коммунистической партии» начинается с заявления, представляющего собой простую, но важную истину: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Следовательно, поскольку классовая борьба является осью вращения, основным элементом всех обществ, основанных на эксплуатации, постольку она является и основным элементом их истории. Для представителей одного направления — это тщательно скрываемая тайна, а для представителей другого направления — это точка отсчета, источник силы.

Классовая борьба пробиралась зайцем в трюмах тех судов, которые отплывали к обоим континентам Америки. Классовая борьба первой вступила на берег в Плимуте, а через 16 лет после того, как там высадились первые поселенцы, уже произошла оставившая след в истории забастовка рыбаков. Хозяева и англичане, конечно, назвали ее «бунтом».

«Манифест Коммунистической партии», говоря конкретно о капитализме, провозглашает:

Буржуазия «...упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие... класса — буржуазию и пролетариат».

Это и есть суть 200 лет нашего существования. Это были 200 лет классовой борьбы, 200 лет процесса раскалывания «на два большие враждебные» класса.

В жизни, конечно, имеются и многие другие факторы, но классовая борьба — это, несомненно, центральный. Именно она является тем процессом, который разделяет два теоретических направления в их подходе к истории. Один класс отрицает и пытается скрыть элементарную истину — классовую природу общества, а второй класс считает классовую борьбу своим основным отправным пунктом.

Классовая борьба излучает силу, которая влияет на события, далеко выходящие за пределы экономической деятельности и за пределы рабочего класса. Фактически — это основной фактор, влияющий на все стороны жизни. Классовая борьба придает всем взаимоотношениям новый оттенок. Классовую борьбу и непримиримое противоречие между двумя классами можно сравнить по неумолимости движения с маховиком. Она порождает такую силу трения, которая воздействует на все слои общества. Как диалектические противоположности в природе, так

ДВА ПОДХОДА К ИСТОРИИ АМЕРИКИ

(Из выступления Генерального секретаря Коммунистической партии США Гэса ХОЛЛА в Колумбийском университете)

и классовые противоположности и борьба между ними в обществе порождают движение. Это неотъемлемая особенность общества, состоящего из эксплуататоров и эксплуатируемых.

В своей основе борьба за демократию связана с борьбой между эксплуататорами, стремящимися ограничить право на сопротивление, и эксплуатируемыми, желающими расширить такие права.

В это вовлекаются другие слои населения и другие движения. Однако именно классовая борьба придает борьбе за демократию ее неповторимые и фундаментальные особенности.

Влияние классовой борьбы было одним из основных факторов в таких событиях, как кампания борьбы за исключение имущественного ценза[1] как условия при предоставлении права голоса. Она оказывала воздействие на движение за предоставление права голоса женщинам, и не было исторической случайностью то, что первым и самым стойким союзником движения женщин было социалистическое движение рабочего класса.

Имеет огромное значение тот факт, что Криспус Аттокс — первый человек, отдавший свою жизнь за независимость США, — был чернокожим американцем. Однако в некотором смысле столь же большое значение имеет и то, что он был чернокожим американским рабочим. И огромное значение имеет то, что вместе с Аттоксом были убиты Колдуэлл, Маверик, Грей и Карр — белые рабочие[1]. И самое большое значение имеет тот факт, что именно классовая борьба, завязавшаяся вокруг канатной фабрики, породила те действия, в которых погибли эти патриоты. Следовательно, местная классовая борьба, отражающая общенациональную классовую борьбу, влияла на борьбу за национальную независимость и переплеталась с ней.

Многие из тех насущных вопросов, которые вызывали гнев народа и побуждали его действовать, были вопросами, связанными с классовой борьбой. Значит, классовая борьба была основной движущей силой при выработке образа мыслей масс за все 200 лет нашего существования.

И хотя верно, что классовая борьба является самым важным компонентом нашей 200-летней истории, рабочий класс не достиг еще такой точки, на которой он окажется доминирующей силой. Наш рабочий класс еще не обрел того влияния, которое предназначила ему история. Он неизбежно продви-

[1] *Имущественный ценз — ограничительное условие, ставящее предоставление права голоса в зависимость от владения имуществом определенной ценности.*

[1] *5 марта 1770 года английские войска в Бостоне расстреляли мирные толпы горожан. Было убито шесть американцев и ранено пять. Среди убитых был Криспус Аттокс, бежавший с Юга раб.*



5 ТЫСЯЧ БЕЗРАБОТНЫХ БЕЛЫХ И ЧЕРНЫХ СТОЯЛИ С 10 ВЕЧЕРА ДО 7.30 УТРА У ВОРОТ «ДЖЕНЕРАЛ МОТОРС». НЕ БЫЛ ПРИНЯТ НИ ОДИН.

гается вперед, чтобы занять свое ведущее место, но пока он еще не добился полного контроля.

Почему рабочий класс Соединенных Штатов не во всех еще отношениях играет свою историческую роль авангарда — это вопрос чрезвычайной важности. Для приверженцев рабочего класса это самый важный вопрос из тех вопросов, которые ставит наше 200-летие, потому что ответ на него очень во многом поможет рабочему классу обрести свою неизбежную историческую роль.

Чтобы добраться до подлинных причин, необходимо счистить несколько слоев ошибочных теорий. Большая часть ложных объяснений покоится на ошибочном представлении, будто законы капиталистического развития не распространяются на капитализм Соединенных Штатов. Этот обман имеет 200 жизней. Каждый раз, когда жизнь доказывает несостоятельность одной концепции, на ее месте появляется новый вариант. Архивы полны программами, которые основывались на таких концепциях, как «народный капитализм», «разделение богатства» и «покупка акций корпораций и получение голоса в решении корпоративных дел» [1].

Либеральные и псевдолевые вариации той же концепции включают клеветническое утверждение, будто рабочий класс Соединенных Штатов не в состоянии выполнить свою историческую миссию, потому что он разъеден коррупцией, разжирел и поэтому его невозможно спасти, а он сам не в состоянии исправиться. Кое-кто продолжает утверждать, будто рабочий класс США превратился в составную часть правящей иерархии. Эти люди хотели бы принизить вклад нашего рабочего класса в нашу историю и в нашу борьбу сегодня.

Необходимо также отмести и самодовольный вывод, будто «все идет по плану» или будто «практически невозможно ничего поделать, так как все зависит от объективных факторов».

Эти ложные концепции имеют одну общую черту независимо от того, исходят ли эти утверждения от «левых» или непосредственно из контор монополистических корпораций: все они имеют антирабочую направленность.

Разумеется, нельзя отрицать, что взаимосвязанные объективные и субъективные факторы влияют на классовую борьбу и развитие рабочего класса. Росту и расцвету рабочего класса нельзя помочь, и их нельзя продвинуть вперед в отрыве от объективной базы. Нельзя отрицать, что на протяжении 200 лет действовали некоторые единственные в своем роде объективные факторы, которые влияли на характер классовых взаимоотношений.

Большая часть этих уникальных факторов была связана с особыми ресурсами капитализма Соединенных Штатов, которыми он мог пользоваться: начиная от богатства полезными ископаемыми и кончая ролью банкира и жандарма в послевоенном капиталистическом мире. Разумеется, самыми выгодными из этих возможностей были международные империалистические акции, колониальная империя Уолл-стрита и извлечение сверхприбылей из использования расизма в качестве орудия широкой эксплуатации. Новая особенность этих факторов заключается в том, что в настоящее время эти единственные в своем роде ресурсы начинают истощаться.

И теперь, в момент, когда мы отмечаем свое 200-летие, новая группа объективных факторов начинает все сильнее влиять на характер классовых взаимоотношений. Закон капитализма гласит, что, когда он несет потери в какой-нибудь сфере, он еще настойчивее прибегает к классовой эксплуатации. Поэтому классовая борьба будет принимать все более острый характер.

Именно на фоне этой объективной ситуации я хочу проанализировать три фактора, которые стоят на пути нашего рабочего класса и замедляют его переход на исторически передовые позиции. Все эти три фактора создают препятствие, которое рабочий класс должен преодолеть, прежде чем он превратится в главенствующую силу, определяющую курс социального, экономического и политического развития нашей страны. Эти три фактора тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. В принципе это идеологические факторы. Это, во-первых, важнейший вопрос о дальнейшем углублении классового сознания, во-вторых, неприятие и вытравление влияния расизма и, в-третьих, необходимый рост и расширение просоциалистического и марксистско-ленинского сектора.

Вообще говоря, степень влияния рабочего класса на страну соответствует уровню его собственного классового самосознания. Причина этого совершенно очевидна. Чем большим классовым сознанием обладает рабочий, тем тверже он в состоянии держать на прицеле своего врага. Когда рабочий класс более твердо держит классового врага на прицеле, он в состоянии разоблачать монополистический капитал как врага всего народа и как препятствие на пути развития человечества вообще. Это важнейший вклад рабочего класса в качестве передового отряда в общей борьбе.

В последние 100 лет капитализм Соединенных Штатов неукоснительно подтверждал правильность предсказаний «Коммунистического манифеста» относительно упрощения классового антагонизма. В результате классовая борьба приняла более острый характер и поэтому оказывает более прямое влияние на все процессы.

В первые 100 лет после получения Соединенными Штатами независимости идеологи правящего класса постоянно отрицали классовый характер капитализма США. Но жизнь все более наглядно демонстрировала несостоятельность их доводов.

Однако изобретательность капитализма США помогла ему разработать новую тактику: он делал один шаг назад, чтобы затем сделать десять шагов вперед. Он был вынужден признать реальность существования двух классов, но продолжал плести новую сеть иллюзий вокруг этой концепции.

На переходе от прошлого к нынешнему веку капитализм Соединенных Штатов овладел всей совокупностью своих идеологических ресурсов, чтобы развернуть кампанию в стремлении доказать, что, хотя в Соединенных Штатах существует два класса, классовая борьба и классовый антагонизм совсем не обязательны для характеристики их отношений. Приверженцы капитализма объявили, что разногласия действительно есть, но никаких классовых противоречий не существует. Именно в этот период начали появляться первоначальные «мозговые тресты». И таким образом, на свет появилась ложная концепция беспроблемных классовых отношений.

Беспроблемное классовое сотрудничество было и остается сегодня препятствием для развития классового сознания. Это ширма для прикрытия монополистической эксплуатации.

Наша 200-летняя история — это 200 лет классовой борьбы и одновременно 200 лет разгула расизма. Это история массового обмана, массового одурманивания. Ее можно сравнить с самой колоссальной инъекцией идеологического яда в истории. Расизм всегда распространялся на все стороны жизни в Соединенных Штатах. И поэтому сейчас можно говорить о 200-летии расизма в социальной и культурной жизни нашего общества. О 200-летии расизма в области образования, при сдаче внаем и распределении жилья, в области медицинского обслуживания и в организации досуга и отдыха.

В более глубоком значении можно говорить о 200-летней истории расовой дискриминации в экономической области. На протяжении многих лет расизм был и остается источником извлечения корпорациями Соединенных Штатов многомиллиардных дополнительных прибылей. Расизм тесно вплетен в капиталистическую систему классовой эксплуатации. По этой причине существовала и сегодня существует тесная взаимосвязь между борьбой с расизмом и классовой борьбой.

Ранние социалисты-утописты и даже некоторые ранние марксисты делали из этого неправильные выводы. Они рассуждали так: поскольку и трудящиеся и черные — жертвы капитализма, необходимость существует лишь в одном виде борьбы — в классовой борьбе. В результате на протяжении длительного периода времени они были не в состоянии оценить необходимость в особой борьбе с расизмом. К тому же не предпринимались и попытки создать союз между рабочим классом и черными американцами. Эта, казалось бы, передовая позиция сама по себе создавала прибежище для расизма и находилась под его влиянием.

Никуда не уйти от того факта нашей истории, что расизм оказался действенным идеологическим оружием, позволившим замедлить процесс созревания рабочего класса в Соединенных Штатах. Он был и по-прежнему остается действенным препятствием повышения классового самосознания. Он позволял и позволяет вносить раскол в ряды рабочего класса.

Расизм был и остается сегодня орудием извлечения монополистических прибылей. Для белых рабочих расизм был и в той или иной степени остается

На стр 17 ➤

---

[1] *«Народный капитализм» — буржуазная экономическая теория, утверждающая, что в результате «рассеивания собственности» (покупка акций миллионами мелких держателей), «революции управления» (руководство предприятиями осуществляется не владельцем, а советом директоров-управляющих), «рассеивания» выгоды» (экономическая выгода, получаемая «большим бизнесом», якобы «капля за каплей» распространяется среди всего населения) в обществе наступает-де «классовый мир» и появляется общность интересов.*

Макс БЕЙЕР, 62 года (Англия) — шведскому писателю Арвиду РУНДБЕРГУ:

ПУТЬ, С КОТОРОГО НЕ СВЕРНУ

Сколько я себя помню — я живу в обществе, которое ну никак не выберется из кризисов. И ведь что интересно: всякий раз, когда речь заходит об этих бесконечных конфликтах, буржуазия делает удивленные глаза, будто безработица, расовые проблемы, фашизм, преступность возникли совсем неожиданно, случайно и — надо же такому случиться! — нарушили картину общества, в целом вполне благополучного.

А в этом обществе вещи происходят ужасающие. Вспомнить хотя бы зиму 1975 года. Тогда в Лондоне от голода и холода умерло очень много пенсионеров. У них не было денег даже на самую простую еду, например картофель. Мы привыкли считать, что голод и холод косят людей в слаборазвитых странах. Но вот, оказывается, это может случиться и в самом центре «мира процветания». С неделю пресса



РАБОТА ДАВАЛА МНЕ ХЛЕБ, МОЙ КЛАСС ДАЛ МНЕ СИЛУ.

поговорила об этом «феномене», прозвучали и искренние, взволнованные голоса, а потом про все забыли... Да ведь и не впервой нам это. Старые и немощные умирали и прежде «от недоедания». У нас каждый имеет право ночевать под мостом, но пользуются этим правом отчего-то только бедняки. Я смолоду не мог с этим смириться и потому еще в 1935 году вступил в коммунистическую партию.

Я сейчас с благодарностью вспоминаю людей, с которыми вместе работал, товарищей по партии. В нашу партию идут люди, для которых свои собственные проблемы на втором месте. Коммунисты — это люди, которые всегда готовы помогать другим. И рабочие умеют ценить это качество.

Был, скажем, такой случай. В 1967-м. Работал я тогда на большой стройке в Барбикене (район новостроек в Лондоне. — *Ред.*), которую вели по заказу муниципалитета три частные фирмы. Рядом с нашим участком, принадлежащим компании «Туррифф», строила дома компания «Майтон». Настроение у ребят было боевое. Мы к тому времени провели несколько коротких, но толковых забастовок. И вот приезжает из Ливерпуля и устраивается на работу в «Майтон» молодой парень, Лу Льюис, столяр. Молодой-то он молодой, а уже успел сделаться известным по профсоюзной борьбе. И только-только вступил в коммунистическую партию. Рабочие уважали его — и за характер твердый, и за то, что он мастер — золотые руки. Слышал бы он сейчас, как я его расписываю, застеснялся бы, покраснел до ушей, а я все равно повторю: я очень высокого мнения о Лу Льюисе. И только одно мы никак не могли понять: с чего это компанию угораздило взять к себе такого человека? Кадровики прошляпили, надо понимать. Потому что какая же фирма по своей охоте будет набирать на работу профсоюзных «смутьянов»? Да еще когда ее и без того забастовки донимают? Спохватились хозяева, а поздно — дело сделано: Лу вышел на работу, и уволить его просто так уж не годилось — профсоюз бы вступился. Настроение же у рабочих было боевое хоть куда, только повод дай...

Вообще-то в «Майтоне» до тех пор неугодных выгоняли запросто, и фирме это сходило с рук. Не стоит думать, что каждое увольнение автоматически вызывает забастовку, нет. Чаще всего дело ограничивается переговорами между предпринимателями и профсоюзом. Но на сей раз фирма, выждав немного, все же уволила Лу Льюиса без всяких переговоров с профсоюзом. Тут же началась забастовка, рабочие решили не давать Лу в обиду.

Прошла неделя, и стало ясно, что быть забастовке затяжной: хозяева уперлись, а сверху, от профсоюзных боссов, поддержки не было никакой. Начала было поступать помощь от лондонского отделения профсоюза, но и на него надавили. Тогда майтонцы пришли к нам, в «Туррифф», и к рабочим третьей фирмы, «Ланг»: «Подсобите, ребята!» Само собой, мы обещали полную поддержку. А сами майтонцы постановили вот что: официально бастуют только 20 человек. Но кто — бригадиры! А это значит застопорить всю стройку. Они чувствовали, что забастовка протянется долго, но не год же! А оно так и вышло, да еще выросло в вопрос государственной политики. Такой оказалась эта забастовка 20 человек. Требований было два: хозяева должны признать права профсоюза и восстановить на работе Лу Льюиса. И пусть профсоюзное руководство отказалось одобрить это дело, зато майтонцев поддерживали своими деньгами тысячи и тысячи рабочих других строек и заводов.

В Барбикен зачастили корреспонденты из газет и телевидения. Наш Лу держался молодцом и давал интервью всем, кто хотел. В это время началась забастовка совсем в другом конце Лондона, тоже на большой стройке, и тоже потому, что предприниматели отказывались разговаривать с профсоюзом. Опять пошли митинги, демонстрации, пикеты, листовки. Газеты писали об этом на первых полосах. Страсти накалились с обеих сторон, и тогда правительству — а у власти были лейбористы — пришлось назначить комиссию по расследованию причин недовольства строительных рабочих.

Месяц шел за месяцем, стройплощадка «Майтона» зарастала травой, подъемные краны ржавели без дела. Хозяева стали подвозить скэбов (штрейкбрехеров. — *Ред.*). Пикеты майтонцев старались держаться поспокойнее, но без драк, и крупных, все же не обошлось. Однажды приходят ко мне, просят помощи: автобус с новой партией штрейкбрехеров прибыл. Ну мы, конечно, скорей выстраиваться в цепь с пикетчиками. На следующий день наш «Туррифф» объявляет: кто участвовал, уволен. Правда, мы тут же добились переговоров и отмены увольнений. Мы не хотели расширять забастовку. Достаточно было и «Майтона». У нас стратегия простая была: помочь Лу и его товарищам выстоять до конца. А Лу действовал как следует и причем от имени своих товарищей как их представитель. Они дружно держались. И мы тоже, мы знали, что мы их тыл. Забастовке, казалось, конца не будет. Но рабочие не падали духом. Мы каждый день проводили собрания, а это очень важное дело. Надо, чтобы рабочие ежедневно получали информацию о ходе забастовки и держались вместе.

В один прекрасный день членов забастовочного комитета вызывает к себе мэр Лондона. Мы шли, как под конвоем на допрос, в окружении полицейских. Мэр стал говорить нам, как не хватает в Лондоне жилья. Короче, нас хотели опозорить, убедить публику, что мы ведем себя, так сказать, антиобщественно. И верхи профсоюзные осудили нас через газеты. Мы-то в буржуазные газеты пробиться со своими разъяснениями не могли, не по карману. Только через одну, через «Морнинг стар», рассказывали о причинах и целях забастовки. Что интересно, забастовка не была «коммунистической», хотя и началась в защиту коммуниста. Подавляющее большинство тех, кто в нее втянулся, были как раз лейбористами.

Журналисты из буржуазных газет писали о забастовке почти каждый день. Сами по себе, лично так сказать, они были расположены к нам, рабочим. Но возьмешь на следующий день газету, глазам не веришь, все переврано. Так что широкая публика питалась в основном дезинформацией. Мы, конечно, свои листовки и пресс-релизы выпускали, ну и «Морнинг стар» писала о нас регулярно.

Не все выдержали эту забастовку. Оно и понятно — давили на нас сильно и по-всякому. Да и шутка сказать: из-за каких-то 20 человек заклинило громадную стройку.

Когда минуло двенадцать месяцев, мы стали обдумывать, сможем ли держаться дальше. Созвали большой митинг. Человек 800 рабочих прошли по Барбикену с лозунгами, из которых ясно было, за что идет борьба. Я председательствовал на этом митинге. Думали все вместе, решали, как быть дальше. Нас не поддержал центр, зато целиком на нашей стороне были многие предприятия. А все-таки двенадцать месяцев — уж очень длинный срок. Решили так: если предприниматели пойдут на переговоры на наших условиях, бастующие возвратятся на рабочие места и строительство на площадке «Майтона» возобновится.

Митинг кончился, и рабочие тихо-мирно стали расходиться по домам. И выходить на улицу Олдерсгейт, возле Лондонской Стены. А их уже поджидали. Полицейские. Все было распланировано. Надо думать, забастовка допекла-таки наших правителей. Сотни полицейских по команде набросились на рабочих. Те ничего такого не ожидали. Шли себе и шли, кто на автобус, кто к метро. Я немного задержался после митинга и, когда вместе с председателем рабочего комитета выходил из ворот, еще удивлялся, что это за шум доносится с Олдерсгейт. А когда вышел на эту улицу, просто остолбенел. Полицейские гонялись за рабочими и крушили их дубинками. Окровавленных, израненных оттаскивали. Не думай — не к «скорой помощи». К полицейским «Черным Мариорам». И запихивали их внутрь. Всего арестовали 25 рабочих. Одного из них я хорошо знал. Ему перебили ногу. Но это не самое страшное... От избиений, от пережитого потрясения он сошел с ума.

Газеты устроили сенсацию из «Побоища в Барбикене». Все-таки занятное это чтение, наши газеты. На фотографиях — полицейские зверствуют над безоружными людьми. А из пояснений узнаешь, что речь идет о совершенно законных мерах. Выражается сожаление, что, мол, «часть полицейских дала себя спровоцировать на жестокие действия», но имеют ли они вообще право избивать рабочих? Такой вопрос даже не поднимается. Еще бы — ведь это забастовщики губят Англию, это рабочие виноваты в инфляции, сокращении экспорта, кризисе...

Как только полицейские убрались, мы сразу стали действовать. Одних раненых отвезли в больницы, других — домой. Отрядили делегацию к полицейским властям, чтобы выяснить, кто арестован и в чем обвиняется, а заодно не допустить, чтобы их продолжали бить в участке.

На следующий день все рабочие Барбикена собрались на митинг. Избиение на Олдерсгейт подняло в рабочих такую ярость, что и конгресс тред-юнионов уже не мог не встать на нашу сторону. Кончилось тем, что мы добились удовлетворения наших требований! А началось — помнишь? — с увольнения одного коммуниста.

...За послевоенные годы я запомнил только две по-настоящему спокойные для меня недели. Я дал себе передышку. Это было в 1965 году, как раз перед тем, как я устроился на работу в Барбикене.

Мы тогда добились права на выходное пособие. Человек в возрасте от 41 до 65 лет, проработавший на одном месте не меньше двух лет, при увольнении мог рассчитывать на пособие: полуторанедельный заработок за каждый год, считая от возраста в 41. Я ушел с прежнего места, проработав там семь лет, и получил 500 фунтов. Мы устроили себе каникулы! Купили новую одежду и кое-что по хозяйству, в чем раньше отказывали себе. Ведь я всю жизнь, можно сказать, тянул от зарплаты до зарплаты. Перед самой получкой в кармане всегда было пусто. Мы никогда не откладывали деньги, а если что-то все же оставалось, отдавали на нужды нашей газеты или в кассу солидарности. Так что эти две недели, когда у нас завелись деньги, были для нас с женой, Розин, настоящим праздником. А уж как радовалась Мэрион, дочка моя: наконец-то папа каждый день дома! Ведь я же говорю — из года в год почти каждый вечер у меня то собрание, то митинг, то еще что-нибудь... Мэрион с детства тянуло к рисованию. Я не особенно верю в наследственность. но она выросла в семье, где любили рисовать. Я тоже немножко помогал ей. Теперь Мэрион работает преподавателем в художественном училище. И у меня могла бы быть такая же судьба, если бы я в свое время не пошел в техническое училище. Ну да что уж там...

Если не считать этих недель, когда мы «покутили» на выходное пособие, то кормил меня всю жизнь мастерок каменщика. Вплоть до сих дней. Как складывалась наша жизнь в последние годы? Несладко. С Розин случилось несчастье — перелом плечевой кости. А это конец, на хорошую работу она уже могла не надеяться... Мэрион теперь живет отдельно от нас.

Сейчас задумываюсь: что успел, чего не успел, правильно ли жил? Всю жизнь я работал в профсоюзе — там борьба за ясные, конкретные цели. Много это или мало? Не знаю, но мне хотелось и по-прежнему хочется сделать как можно больше для рабочего класса, для партии. Главное — чтобы нас в партии стало больше. Это понадобится. Не собираюсь пророчествовать, но думаю, что нынешнее замораживание зарплаты может вызвать ситуацию, какая была в 1926 году. Британский рабочий класс многое перетерпел, но ведь есть же какой-то предел.

Бывал ли я за границей? Когда-то служил в армии в Египте. А не так давно съездил в Советский Союз. Наш профсоюз выбрал меня и еще одного рабочего с большой стройки в Ливерпуле для участия в профсоюзном мероприятии в Москве. Представить не можешь, что я чувствовал, когда садился в такси, чтобы ехать в аэропорт, когда входил в сверкающий реактивный самолет. Раньше я видел все это только в кино. Трудно было поверить, что теперь это происходит со мной наяву. Сидел в кресле самолета, на высоте 10 тысяч метров, и готов был ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон, что я действительно лечу в Советский Союз. А тем временем командир самолета красиво и вежливо, тоже как в кино, желал нам приятного пути, красавицы стюардессы подавали разные напитки. На аэродроме в Москве русские встретили нас, двух работяг, так, словно мы были самыми важными пассажирами. Вспоминаю теперь эту неделю как сказку.

Да, рабочие в СССР по-настоящему правят государством — это первое, что я почувствовал. Они гордятся и тем, что сами построили, и берегут то, что было создано в старые времена.

По окончании деловой программы нам предложили посмотреть какой-нибудь другой город. Я выбрал Ригу. Впечатление... просто колоссальное. Я узнавал и насчет социального обеспечения, и о том, что делается для детей, и о работе больниц. И конечно, узнал, какую огромную роль играют профсоюзы. Диву давался, как много в СССР строят жилья, ходил по стройплощадкам, смотрел, как работают их строители.

Это другой мир. Они живут в гармоничном обществе. И учти, я ехал с твердым намерением смотреть на все критически. Знаешь, что меня особенно обрадовало? Не почувствовал я там этого проклятого духа торгашества, в каком живет Лондон. Если это недостаток, то лишь в глазах предпринимателей. Я увидел общество, давно свершившее революцию, построившее социализм и многого достигшее.

Если бы я в 1935 году вступил не в коммунистическую, а в лейбористскую партию и стал, скажем, процветающим членом общества, правым профсоюзным боссом или какой-нибудь еще шишкой, то, возвратившись из поездки по СССР в Лондон, в наше общество классовых несправедливостей, кто знает, может, тогда я твердил бы, как некоторые, что в Советском Союзе «нет демократии»... Но я-то избрал иной путь. И я вижу, что как раз нашему обществу не мешало бы подумать о демократичности и социальной справедливости... Ты спросил, как я, английский коммунист, отношусь к Советскому Союзу. Советский Союз — колыбель революции. Советский Союз спас всех нас от фашизма. Советский Союз — социалистическое государство. Вот мой ответ.

Совсем недавно, в сентябре 1976 года, я узнал, что серьезно болен и, похоже, не смогу больше работать. Я-то думал, что не выпущу из рук мастерок до 65 лет, до пенсии. А вот врачи говорят, что все зависит от моей сопротивляемости, и доживу ли я вообще до 65... Сам понимаешь, каково узнать такое. Возможно, хворь моя профессиональная. Ведь с 1930 года я работал на стройках и дышал пылью. Каменной пылью. Да что теперь гадать, отчего я свалился. В больницу я пошел прямо со стройки, думал, что отлучусь на часок-другой. А оказалось — надолго, если не навсегда. Теперь у меня есть время подумать, оглянуться на прожитое. Я так скажу: в молодости я выбрал путь, с которого не сверну. Если бы я стал на другой путь, то не был бы счастливее. Я доволен прожитой жизнью, никогда не топтался на месте. Можешь не сомневаться — скучать не приходилось.

Может, мой личный вклад в общую борьбу скромен, но одно знаю: он не напрасен. Я и теперь не хочу на покой, буду помогать партии по мере сил. Всю жизнь я делал все, чтобы мир стал лучше, и верю, что наступит когда-нибудь такой день, когда люди скажут друг другу: теперь давайте строить социализм, это единственно правильный путь для трудящегося человека!

Перевела со шведского Л. РЫМКО

▼ со стр 14

как бы успокоительным средством — наркотиком, препаратом для замедления роста классового самосознания. Он остается препятствием, которое еще должен преодолеть рабочий класс. Между борьбой с расизмом и классовой борьбой существует тесная взаимосвязь. Но единства в этой борьбе удастся реально добиться лишь в том случае, если будет вестись особая борьба против расизма.

Анализируя роль расизма в нашей истории, необходимо сказать, что трудящиеся отнюдь не главные носители расистской заразы. Поскольку эти замечания увязаны с конкретной проблемой роли рабочего класса, я не хотел бы создавать впечатления, будто трудящиеся — главный источник расизма.

В то же время очень важно сказать, что, хотя расизм остается серьезным препятствием, борьба с ним приносит успех.

Третье непременное условие, или историческая необходимость, как можно было бы его назвать, — это потребность в становлении социалистического сознания у рабочего класса, в появлении у него революционного мировоззрения. Классовое самосознание само по себе не позволяет рабочему классу заручиться достаточно прочной базой, чтобы дать отпор наступлениям и маневрам могущественного классового врага. Он нуждается в направляющей руке общественной науки. Он нуждается в руководстве передового революционного сектора. Он нуждается в теории борьбы. И он нуждается в такой политической партии, которая могла бы соединить все это воедино, в партии рабочего класса, которая могла бы увязать решение ближайших проблем с борьбой в долгосрочной перспективе.

Исторически, если говорить о различных общественных системах, американская революция ознаменовала собой большой шаг вперед. В сфере человеческой мысли появление марксизма было важным качественным скачком. Появление марксизма отражало новый уровень общего накопления знаний, что, в свою очередь, отражало новое качество социальных и экономических отношений.

Марксизм оказался важным источником влияния на самые различные теории и воззрения на протяжении всей истории Соединенных Штатов. Его влияние не ограничивалось делами, имеющими лишь непосредственное отношение к классовой борьбе. Он оказался одним из важных источников влияния в философии, в общественных науках, в экономике, в литературе и в других областях культуры.

Тем не менее мировоззрение, особенно революционное мировоззрение, превращается в движущую силу лишь в том случае, когда за ним стоит какой-то класс. Марксизм-ленинизм превратился в самое влиятельное, самое уважаемое и самое распространенное мировоззрение во всей истории человечества. Он представляет собой самую важную движущую силу на земном шаре именно потому, что за ним стоит класс, который ведет человеческое общество к новому и более высокому этапу развития. Рост социалистического сознания — непременное предварительное условие вступления на этот этап Соединенных Штатов Америки.

СПОРТ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Л. ЛЕОНИДОВ



Обычно случается так: уймутся страсти после какого-нибудь крупного спортивного события, пройдет время и все перипетии его, детали борьбы перестают занимать большую прессу; если кто и вспоминает о нем, еще столь недавно волновавшем тысячи и миллионы людей, так это специальная, спортивная печать. Не так случилось с монреальской Олимпиадой. До сих пор обсуждают массовые газеты и журналы причины, отодвинувшие такую спортивную супердержаву, какой всегда считались Соединенные Штаты, на третье общекомандное место; причины, позволившие Германской Демократической Республике, чье население в тринадцать раз меньше американского, занять второе — вслед за советскими спортсменами — место. 40 золотых, 26 серебряных, 25 бронзовых медалей, иными словами, по медали на каждые 190 тысяч жителей страны — как и чем объяснить этот небывалый успех?

Журналисты, легкие на перо, расправляются с вопросом просто: «Спортивное чудо» — мелькают заголовки в западных газетах и журналах. Объясняют они читателю, в сущности, одно: да, достижения были, и настолько чудесные, что и относиться нужно к ним как к чудесам. Чего на свете не бывает? Завтра, мол, и мы можем дождаться чуда. Другие же намекают на чудеса фармакопеи и психотерапии — дескать, и мускулы у немецких спортсменов не совсем настоящие, и сами они как гладиаторы — спорт для них, мол, не в радость, в наказание. Короче, это обычные для западной прессы намеки и рассуждения, находящиеся не только за гранью истинного спортсменства, но и политического джентльменства.

Но в то же время и в тех же самых западных странах люди, более трезвые и более близкие к спорту и политике, создают специальные комиссии по изучению опыта организации спорта в социалистических странах, в том числе в ГДР. Их интересует все — от постановки спортивного дела до технологии тренировок. Различны и выводы, к каким приходят эти комиссии; впрочем, не они нас сейчас интересуют. Отметим лишь главное: спортивный успех ГДР привлек к себе такое внимание общественности и прессы Запада прежде всего по той причине, что спортсмены республики в открытом соревновании убедительно и эмоционально показали огромные достижения социалистической Германии, уровень культурного развития ее граждан. Паоло Ормедзано, директор итальянской газеты «Туттоспорт», писал по поводу спортивных достижений ГДР: «В этой стране спорт — это больше, чем государственное дело. Спорт — в душе и теле каждого из ее граждан».

Попробуем же разобраться, как наши друзья из ГДР добились таких блестящих, ныне всем миром признанных результатов.

...Берлин. Раннее октябрьское утро. Пустынны улицы. Почтальон на велосипеде да хозяйка с большой сумкой, тишина. На башне старой ратуши часы еще не пробили шесть. А на Шпрее уже слышен плеск весел. Юноши и девушки в скифах разных классов от легких одиночек до стремительных восьмерок «отмахали» свои первые километры.

...Полдень. Двор школы на Ганс Баймлерштрассе, вернее спортплощадка. Полет футбольного мяча сопровождают радостные вопли малышей; неподалеку ребята постарше разучивают технику прыжков.

...Вечер. Бассейн в народном парке Фридрихсхайн — обычное прямоугольное одноэтажное здание из стекла и бетона. В воде люди от мала до велика. Они не тренируются, они просто плавают, просто наслаждаются движением...

Сцены, которые здесь описаны, — явление для республики привычное, не привлекающее внимания даже «профессиональных» зевак. Сколько, к примеру, в ГДР любителей «бега для здоровья»? Никто не знает. Даже самый большой любитель статистики вряд ли сможет щегольнуть точной цифрой. «Поспешай с милей» называется это движение, и вот дети, молодежь, люди взрослые и уже старики «поспешают»...

В городском парке города Шверин еженедельно устраивается что-то вроде представления «милевиков». На пару часов пустеют тротуары и затихает уличное движение — почти все население города одето одинаково — легкий тренировочный костюм и тапочки. Костюм франтовато сидит на молодых, симпатично смотрится на детях и уже почти привычно на дедушках и бабушках. Различны возраст и опыт, различны и скорости, зато у всех счастье на лицах.

...Хайнц Вибель — водитель грузовика. За первую половину прошлого года набегал около 400 миль... Гунхильд Хофмайстер — знаменитая бегунья. Как депутат Народной палаты ГДР часто бывает на заводах, в институтах, в селах. Но в выходные дни ее всегда можно встретить на дорожках парка. Ничто так не подействует на уже влюбленного в спорт мальчишку или никогда не интересовавшуюся им девчонку, как неторопливый бег рука об руку с «самой» Хофмайстер... В Берлине стартовали чемпионка континента 1971 года на полуторакилометровой дистанции Карин Кребс и заведующий отделом спорта ЦК СЕПГ Руди Хельман, в Лейпциге — экс-чемпион Европы стайер Юрген Хаазе, в Ростоке — золотая медалистка мирового первенства по прыжкам в воду Криста Келер... В Йене старейшего участника, 79-летнего Эдуарда Малкольма с финишем поздравлял победитель Олимпиады в Мюнхене в прыжках с шестом Вольфганг Нордвиг.

Движение «поспешай с милей» стало поистине массовым приобщением граждан республики к физкультуре, к радости ощущения послушности своего тела, наслаждению здоровьем и крепостью мышц. Это движение тем более массово, что сейчас в стране установлен своеобразный пересчет заветной беговой мили: в плавании она равняется 400 метрам, в гребле — 4 километрам, в велопробеге — 8 километрам. Выбирай себе увлечение по вкусу.

Переходной ступенькой от массовой физкультуры к массовому спорту стали в республике традиционные спартакиады.

Без таланта сейчас в большом спорте не обойтись. Но когда и как заявит о себе талант — это уравнение со многими неизвестными. Обидно, если талант был, а его вовремя не заметили. Спартакиады с их широким охватом юного поколения (так, в олимпийском, 1976 году в спартакиадах участвовали 2,5 миллиона детей) дают полную возможность решить проблемы поиска таланта.

Рудигер Хельм, девятнадцатилетний гребец, — настоящее «дитя» спартакиад. Он побывал на каждой ступеньке лестницы успеха и, хотя особой спешки не выказывал, поднимался уверенно, выигрывая одну спартакиаду за другой. Никаких скачков — все равномерно. Один «скачок» все же был: вопреки прогнозам он «поспешил» увезти с канала Нотр-Дам одно «золото» и две «бронзы», От него этого ждали, но чуть позже.

Как правило, замеченный специалистами юный спортсмен проходит через школу спортивных обществ. Свыше 15 процентов населения страны, это почти 3 миллиона человек, занимаются в различных секциях. Как известно, наибольшее количество олимпийского золота команда ГДР завоевала в гребле, легкой атлетике и плавании. Массовое же спортивное движение несколько шире; по популярности виды спорта в республике распределяются так: футбол, рыболовный спорт, гимнастика, легкая атлетика, кегли, гандбол.

В наши дни, когда говорят о выдающихся спортивных успехах, всегда упоминают о роли науки. Без нее теперь не обойтись. Страна, создательница столь милого западным газетчикам «чуда», раньше многих других оценила практическую «рентабельность» науки о спорте. Не случайно сегодня всему спортивному миру известна лейпцигская Высшая школа физической культуры, этот «мозговой центр» спортивной жизни страны, где работают около 450 тренеров, педагогов, медиков и ученых. Не случайно лишь с одной национальной сборной по плаванию работают, кроме тренеров, пять научных сотрудников.

Итак, мы добрались до чемпионов и рекордсменов... Роземари Габриэль-Котер с полным основанием можно назвать «мисс баттерфляй» олимпийского межсезонья. Ей чуть-чуть не повезло. В Мюнхене она была еще слишком молода для того, чтобы победить знаменитых американок, в Монреале неоднократная мировая чемпионка и рекордсменка уступила своей подруге по совместным тренировкам — 15-летней Андреа Поллак. Что же теперь ожидает Роземари? Она сделала выбор сама: уйдя с водной дорожки, она перешла на тренерский бортик.

...Поразительная Конни Эндер опережает всех лучших «дельфинисток» на 100-метровке, а через полчаса — «кролисток» на 200-метровой дистанции.

— Конни, популярность приятна?

Четыре года тому назад она не ведала колебаний:

— Разумеется. Правда, известность моя умеренна.

Этот же вопрос спустя четыре года:

— Конни, популярность приятна?

У восемнадцатилетней национальной гордости теперь уже есть сомнения:

— И да, и немножечко нет. Это не очень легкая ноша.

Впрочем, за будущее, близкое и далекое, Корнелия Эндер не беспокоится. Сойдя с пьедестала почета, она не ломает себе голову, как бы повыгоднее переплавить спортивный триумф в солидный капитал: купить провинциальный отель или, может, открыть лавку спортивных товаров? У нее другие, вполне определенные планы — стать детским врачом.

Как бы, однако, ни складывались судьбы настоящих чемпионок и чемпионов, есть в них всегда одно: любая из этих судеб — пример честолюбивой юношеской зависти, пример подражания, которое становится и стилем, и образом жизни. А в жизни это значит просто вот что: талант и труд, скромность и почет, любовь окружающих и собственная самоотверженность. Короче, общество всегда готово предложить свое расположение и уважение за мужество и твое трудолюбие.

Есть такое, на мой взгляд, справедливое суждение: чтобы иметь массовое физкультурное движение, надо иметь несколько сотен хороших спортсменов, нужно иметь десяток выдающихся. Впрочем, логика эта справедлива и при обратном чтении. Мало того, она во многом и объясняет причины выдающихся успехов в спорте наших друзей. Впрочем, здесь важно и еще одно обстоятельство: спорт не самоцель, он немаловажное средство для человека, который преследует весьма человечную цель: собственное здоровье и полнокровную жизнь.

...На высоком берегу реки Истры под Москвой расположен палаточный лагерь учащихся столичной школы № 3 имени Отто Гротеволя. Немецкие школьники, изучающие русский язык, здесь частые гости. Приезжают на целую смену. Однажды я побывал там.

Интересно было наблюдать за немецкими ребятами на спортивных площадках. На волейбольной они заметно уступали нашим девушкам. И в других, сугубо спортивных мероприятиях у них не чувствовалось особо отточенной техники. У них зато вдоволь было другого: огромная радость от игры, страстное желание во всем попробовать свои силы... Они могли уступать своим сверстникам в мастерстве, но только не в желании участвовать в баталиях. Они понимали неповторимый вкус спорта...





«БОЖЕ, СПАСИБО, ЧТО ОСТАВИЛ НАС В ЖИВЫХ...»

Юрген ПЕТШУЛЬ,
западногерманский журналист

Такого парня, как Кен, можно бояться — двухметрового роста, широкие квадратные плечи, развевающаяся грива, усы. Кен стоит у стойки бара в Бостоне, потягивает из стакана минеральную воду и сам себя немного побаивается. Он говорит: «То, что я буду делать завтра, — самоубийство чистой воды».

Еще год назад Кен Бёрнич из Нового Орлеана был студентом факультета политических и исторических наук. А теперь переменил род занятий. Стал профессиональным спортсменом. Игра, в которую он играет, называется американский футбол и считается самым жестоким видом спорта. К европейскому футболу она имеет мало отношения. Каждый год 1 миллион 400 тысяч молодых людей в защитных шлемах и неуклюжих, на толстой поролоновой подкладке доспехах выходят на поле; 1 миллион 300 тысяч из них выбывают из схватки с травмами — в основном переломы. Медицинская помощь, оказываемая пострадавшим, обходится в 300 миллионов долларов в год. Десяти игрокам в каждый сезон санитары и врачи помочь не успевают. А вся борьба заключается лишь в том, чтобы забросить 400-граммо-



вый, вытянутый, как яйцо, кожаный мяч за линию ворот команды противника.

«Завтра, — объясняет Кен Бёрнич, потягивая свою воду — алкоголь строго запрещен тренером, — завтра, как только раздастся свисток, я должен ринуться с кожаным снарядом под мышкой вперед и прорваться как можно дальше на половину противника». Это не так просто: полдюжины таких же великанов, как сам Кен, со всей их медвежьей силой накинутся на него. Будут пинать ногами, лупить кулаками по чему попало, стремясь любым способом свалить на землю.

Профессиональный футболист Кен Бёрнич, хотя и новичок в знаменитой команде «Нью-йоркские ракеты», знает это слишком хорошо. Позади уже два перелома ноги и разрыв плечевой мышцы. Знает он и то, что страх футболиста в тот момент, когда раздается свисток и начинается игра, превращается в ярость. Он ринется вперед и будет отбивать у других мяч так, будто дело касается жизни. Но дело действительно касается его жизни — во всяком случае, его существования в профессиональном футболе.

Кен Бёрнич не хочет упускать своего шанса. Он снова отпивает глоток воды. «Если ты не докажешь, что годишься, если сразу же не войдешь в обойму, то следующая игра будет для тебя последней, это будет для тебя конец всему — сезону, карьере. В таких случаях тренеры и владельцы клубов не знают милосердия». Что же заставило его заняться этим делом? Бёрнич об этом говорит так: «С такой работой можно очень быстро стать инвалидом, но можно через пару лет стать богатым и знаменитым, как Джо Намат, капитан моей команды».

Среди игроков двадцати восьми американских профессиональных футбольных клубов многих называют «звездами», но «суперзвезда» — одна, 33-летний Джо Намат. «Джо, — стонут бульварные газеты,— ты Мессия футбола!», а футбольный журнал писал однажды: «Раньше незабываемым событием для каждого было пожать руку Джону Кеннеди, теперь такая же честь — пожать руку Джо Намату». Участие в трех голливудских фильмах приумножило его славу, как и шесть книг, уже написанных о нем. «Хэй!» — выкрикивает капитан и, тяжело опустившись на скамейку, выплевывает выломанный зуб: «Это не считается, разве это настоящая травма!» Плевок у Джо мощный — зуб летит два метра.

Что же считается? На перечисление уйдет несколько минут, потому что список потерь «суперзвезды» не уступает по длине списку его успехов: два перелома носа, выбиты все передние зубы, дважды перелом ключицы, перелом бедра, раздробленная коленная чашечка и т. д. и т. п. (Растяжения и вывихи, разумеется, не в счет.) В общей сложности три года своей футбольной жизни Джо Намат провел на больничной койке. Но его финансам это не повредило.

У Джо Намата не было богатых родителей, и первые деньги в своей жизни он добыл налетами на киоски и лавки мелких торговцев. Столь высоко ценимую специалистами технику броска он выработал в уличных побоищах камнями. В школе и позже, в колледже, футбольные тренеры быстро приметили его таланты. В двадцать лет он подписал контракт и стал профессионалом. Уже в первой игре он несколько раз так ловко обманул противника, что тот, озадаченный, крикнул ему: «Эй, двенадцатый номер, как тебя зовут-то?» — «Купи завтра газету, увидишь мое имя в заголовках».

В 1965 году самоуверенного новичка купили «Нью-йоркские ракеты». Под его предводительством «Ракеты» стали лучшей командой первенства США, а в 1969 году «Ракеты» завоевали главный приз в этом виде спорта — «Суперкубок».

Свои представления о мире и себе Джо Намат объясняет просто и доходчиво: «Футбол — зеркальное отражение американского общества. Каждый хочет вырваться вперед, конкуренты его не пропускают, но каждый стремится во что бы то ни стало вырваться вперед. Игра не более жестока, чем вся наша жизнь. Страшнее американского футбола может быть только одно — война».

Применение огнестрельного оружия на поле запрещено, но все остальные средства уничтожения противника дозволены в этой мини-войне. Подножки и удары судьями за нарушения не считаются.

Заправляют всеми футбольными делами не судьи, не тренеры, не менеджеры команд, а хозяева клубов. Когда, например, «Хьюстонские нефтяники» выступают против «Дельфинов Майами», сразу ясно, что за борьбой стоят техасские нефтяные короли и владельцы отелей во Флориде. «Детройтские львы» принадлежат автомобильным фабрикантам Детройта, «Нью-йоркские ракеты» — поставщикам текстиля и биржевым спекулянтам Манхэттена. Хозяева могут продавать своих игроков другим клубам даже против их воли. И когда гладиаторы внизу, на поле, бросаются друг на друга, их господа, сидя в «царской ложе», опускают вниз палец, решая их судьбу. Общий доход двадцати восьми клубов, включая продажу открыток, сувениров, трансляцию по телевидению, — многие десятки миллионов долларов за одну игру.

Итак, вечером перед игрой Кен, белокурый новичок «Ракет», стоит в баре со стаканом минеральной воды в руках. Ровно в десять, как сказал тренер, он отправится спать, хотя и знает, что волнение наверняка не даст ему заснуть.

На стадионе собралось более 60 тысяч человек. Сначала девушки в ярких юбочках, вскидывая дружно ножки, разбрасывают конфетти. Игроки выстраиваются. Звучит национальный гимн. На телекамерах загораются красные лампочки. Свисток. Атаку с центра поля начинает 53-й номер «Ракет» Кен Бёрнич. Он сразу же захватывает мяч и, прижимая его к себе левой рукой, бросается поперек поля. Трое игроков из команды противника («Патриоты Новой Англии») кидаются наперерез. Мощным ударом он укладывает одного из них, но двое тут же заполняют брешь. Третий, поднявшись, толкает Бёрнича в правое плечо. Номер 53 крутится вокруг собственной оси, кажется, вот-вот упадет, но удерживает равновесие и пробегает еще пять-шесть метров. Снова его атакуют. Ему удается увернуться, и ворота противника еще на несколько метров ближе. Но вот двадцать восьмой «Патриотов» бодает его в живот тяжелым защитным шлемом. Номер 53 отлетает на метр и падает на изумрудную траву, прижимая к себе мяч. Четверо-пятеро набрасываются на упавшего. Свисток судьи. Игра остановлена. Оказывается, произошло нарушение правил.

Номер 53 корчится на земле, медленно поднимается, держась за живот, с искаженным от боли лицом. Стадион аплодирует. Аплодисменты предназначаются Кену Бёрничу. Игроки его команды и тренер похлопывают его по плечу. Он пробежал почти 17 метров. Телевидение дважды повторяет его марш-бросок в замедленной съемке.

Кен Бёрнич, «самоубийца», еще несколько раз срывает аплодисменты. На следующий день в «Нью-Йорк таймс» будет написано: «Новый игрок «Ракет» молодой Кен Бёрнич продемонстрировал захватывающую игру».

«Ракеты» выиграли на пределе — 29 : 27. Четверо получили серьезные травмы. Трое, хромая, сами ковыляют в раздевалку, четвертого уносят. Остальным посчастливилось отделаться ушибами и синяками. Они стягивают шлемы, улыбаются, машут руками. Самый старый игрок команды, номер 32, забирается на скамейку и вытягивается во весь рост. Тишина. Остальные становятся на колени, берутся за руки, образуя круг. Номер 32 произносит отчетливо: «Боже, спасибо, что ты оставил нас в живых...»

Перевела с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКАЯ



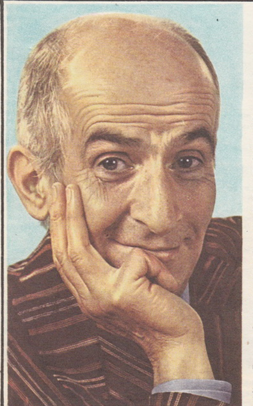


«ПИРАНЬИ» БЕРУТ ЗАБОТЫ НА СЕБЯ

Аквалангист Лучано Больцони, совершавший обычное тренировочное погружение неподалеку от литературно знаменитого острова Монте-Кристо, наткнулся на загадочный предмет. Он принялся осторожно соскребать ножом наслоения и... Так, совершенно случайно, Больцони обнаружил самую большую из известных сегодня римских амфор. Однако напрасно любители истории будут искать этот раритет в каком-либо музее Италии. О том, чтоб амфоры там не было, позаботилось... само государство: по закону, принятому еще в 1939 году, нашедший ту или иную археологическую ценность должен сам принять меры к обеспечению ее сохранности, заявить в министерство народного образования, а потом спокойно ждать, когда появятся государственные инспекторы, которые примут ее на свое попечение. Закон, в общем-то, толковый, вот только ждать приходится долго, а то и вообще напрасно: национальное ведомство музеев стоит на грани банкротства.

Куда оперативнее государственной машины «пираньи» — грабители морских сокровищ. К моменту прибытия чиновников на месте, где счастливый ныряльщик оставил буй как знак того, что именно в этом месте лежит на дне корабль времен Римской империи или какая другая ценность, не оказывается ничего, кроме приветливой лазурной глади. И сокровища, украденные среди бела дня у самого побережья Италии, можно увидеть не в музеях, а в антикварных магазинах самых разных стран. Некоторые туристские компании, приглашая клиентов совершить вояж в Италию, обещают не только традиционные мандолины, апельсины и спагетти, Колизей и Везувий, но и недвусмысленно намекают на возможность побывать в «единственном в мире подводном музее без хозяина» и раздобыть себе парочку симпатичных реликвий.

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА. Мало кто может похвастаться, что работа для него все равно что развлечение. Однако герр Клеменс из Кёльна, инженер по образованию, как раз из таких счастливцев. Сейчас он работает рикшей... Это так экзотично и забавно! Вообще-то на счету герра Клеменса множество самых невообразимых профессий. На его визитной карточке написано так: «Нанимаюсь на любую необычную работу», а чуть ниже перечислены все титулы, которые Клеменс получил за свою незаурядную жизнь: чемпион Европы по перекрикиванию всех на базаре, чемпион мира по поеданию ракушек, чемпион мира по продолжительности сидения в ванне. Правда, последнее звание досталось Клеменсу нелегко: пришлось разбираться с соперником через суд — ведь конкурс транслировался (не целиком, разумеется!) по телевидению и принес победителю некоторый доход. Первым пунктом в программе развлечений на будущее герр Клеменс записал установление нового мирового рекорда по длительности качания на качелях (авось и из качелей что-нибудь можно выжать), вторым — фантазер этот Клеменс! — устройство на работу в качестве инженера. Вот смеху-то будет...



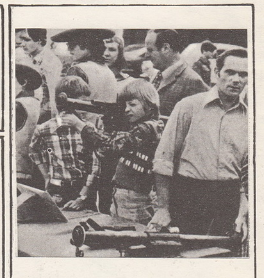
ТАК ГОВОРИТ КОМИК

«Больной комик — это предатель, это противоестественно, — еще недавно негодовал журнал «Экспресс». — Он должен вернуться!» — восклицал «Экспресс», и все, кто читал во Франции эти строки, были солидарны с журналом в его негодовании и... любви. Да, любви, потому что речь шла об «утенке Дональде», о знаменитом актере Луи де Фюнесе. «Утенком» его прозвали, имея в виду сходство с героем диснеевских фильмов. Прозвали давно — еще тогда, когда других людей не сравнивали, имея в виду колоритную внешность де Фюнеса, с самим де Фюнесом. Теперь, однако, Луи де Фюнес известен миллионам, а его последние 10 фильмов смотрели ни много ни мало 72 миллиона человек.

И вот актер заболел. Два серьезнейших инфаркта — здесь не до шуток. А тем более не до съемок. Так говорили врачи, сомневавшиеся в том, сможет ли актер, обычно заставляющий операторов по 30 раз снимать один и тот же эпизод, выдержать бурный темп работы. Так говорили продюсеры, выяснившие, что страховые компании гроша ломаного не хотят ставить на актера с инфарктом.

Ах, эти серьезные, деловые люди! Где им понять здоровую душу больного комика! «Это верно, я почти умер, — сказал де Фюнес в первом интервью после инфаркта, — но после этого почувствовал себя гораздо лучше и счастливее, чем прежде».

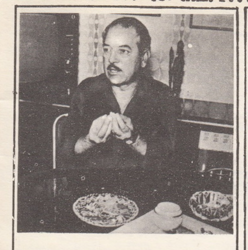
Так сказал де Фюнес и выпустил новый фильм «Крылышко или ножку?». «Здоровье? — переспросил он. — Разве я не говорил вам, что у меня железное здоровье!» — воскликнул де Фюнес и состроил пресерьезнейшее, даже грозное лицо.



ДВЕРИ ОТКРЫТЫ?..

Армейские казармы в западногерманском городке Изерлоне устроили... день открытых дверей. Дело было так: собрались дети с родителями, двери казарм открылись, и перед горящими детскими глазами предстали пирамиды стрелкового оружия, зенитные пушки и противотанковые ружья. С криками и воплями удовольствия похватали мальчишки оружие — так об этом сообщает журнал «Штерн», и ему вполне можно поверить: мальчишки всегда были не прочь поиграть в войну.

Итак, мальчишки играли: они стреляли из настоящего оружия настоящими, хотя и холостыми патронами, во вполне настоящих людей — в пап и мам, просто в прохожих и просто в пролетающие самолеты и проезжающие автомобили. Ну а во что же «играли» взрослые, устроившие этот странный день открытых в войну дверей? Неужели все в тот же, еще так недавно бывший настоящим, военный психоз?..



ХОРОШО ЛИ РЕКОРДСМЕНАМ?

«Я вообще-то человек спокойный, — говорит о себе Раффаэле Рушано, яростно размахивая руками, — но такая жизнь может и святого довести до нервного истощения!»

Синьор Рушано имеет все основания горячиться: к нему пришла слава! В Италии, где процветают ограбления и похищения с целью выкупа, хозяин скромной бензоколонки в Неаполе стал самым «ограбляемым» человеком! Двадцать одно ограбление за два года, не считая нескольких сорванных мужеством и охотничьей двустволкой синьора Рушано, — абсолютный рекорд Италии!

«Все, все покинули меня! Служащие не задерживаются на моей колонке — представляете, каково мне? Одно у меня утешение и одна надежда — Паскуале. Он честный человек, случается, он даже возвращает сдачу автомобилистам, которые по рассеянности суют не ту бумажку. Нет, он вернейший человек, этот Паскуале. Но ему только девять лет...»

В ТУРНЕ ПО ШКОЛАМ И ЦИРКАМ

«Весь вечер на арене Тони Бразерс» — привлеченная этой афишей, публика валит в цирк. Весь вечер на арене самый знаменитый ныне английский клоун. Внук клоуна Роберта Бразерса, имя которого носит одна из британских трупп. Сын клоуна.

«Мне четырнадцать лет. Мама говорит, что из-за этого на меня и ходят — взрослым, говорит, интересно, что там новенького про них мальчишка показать да рассказать может; я всякие взрослые истории показываю, про любовь, про все такое... Только лучшие зрители для меня — все-таки ребята из моего класса. Они же такие, как я. И штучки мои им не надоедают — кстати, последнее это дело, когда клоун репризы повторяет. Правда, мне еще везет — мы все время переезжаем, чуть не каждые две недели новая школа, да и по телевизору меня пока не показывали. Получается так, что я никогда не повторяюсь: на две недели мне моих шуток вполне хватает.

Как ко мне учителя относятся? Да, в общем, хорошо; хотя они и бывают иногда рады, когда наш цирк снимается с места — наверное, у них в школе без меня потише.

...А я по физике здорово отстаю. И зачем клоуну физика? Все эти задачки про траекторию полета, перелет-недолет... Я этот перелет-недолет по синякам считаю.

Все-таки у меня хорошая профессия. Пока что мне с ней весело живется... Дальше? Посмотрим, что будет дальше...»



ЧТО ПИШУТ И ЧИТАЮТ? «Расскажите нам какую-нибудь историю, мисс», — раздался весьма непочтительный голос с последней парты: старшеклассники средней школы английского города Бристоля решили проверить «на нервы» молодую учительницу, замещавшую больного классного руководителя. «А почему бы вам самим не рассказать мне историю?» — парировала учительница Джанет Грин. Сначала предложение не вызвало энтузиазма. Но потом двое парней, скажем прямо, не отличавшихся примерным поведением, вызвались поведать о своих похождениях. Грин стенографировала. Спустя несколько дней, литературно оформив записи, она прочла классу рассказ, который настолько понравился всем, что на следующем уроке не было отбоя от добровольцев рассказывать «истории из жизни».

Недавно в свет вышла книжка «Школьных рассказов», которая тут же стала бестселлером. Ее раскупают подростки, обычно не очень жалующие литературу, и взрослые, которые хотят знать, чем дышат их дети и что они в самом деле думают о себе и старшем поколении. Книга удалась, по мнению автора Джанет Грин, потому что «моим соавтором был весь, теперь неравнодушный к литературе, класс».

ГДЕ ГОТОВИТСЯ «СОУС ПО-ЧИЛИЙСКИ»?

На ежегодный «Бал печати», проводившийся в одном из фешенебельных цюрихских отелей, посол США в Швейцарии Натаниэль Дэвис явился, как положено, в смокинге и при всех регалиях, и, как обычно, через кухню. Нет, нет, не подумайте, что посол — гурман и решил лично проверить, как готовится ужин. Обыкновение это вынужденное: такова привычная тактика посла, не любящего встреч с демонстрантами, которые встречают его привычными уже плакатами: «Долой посла-шпиона!», «Не хотим соуса по-чилийски!..»

За год пребывания Дэвиса на посольском посту подобных демонстраций было уже немало. Да это и понятно, если вспомнить, что Дэвис участвовал во многих операциях Пентагона и ЦРУ, которые привели к государственным переворотам в Гватемале и Чили (он и там был послом, как раз перед фашистским путчем)... С именем Дэвиса политические наблюдатели связывают и тот политический нажим, который реакционные силы США оказывают на страны Южной Европы, в частности на Италию. Здесь, в Швейцарии, ЦРУ — при активном участии Дэвиса — сегодня разрабатывает планы по усилению хаоса в итальянской экономике, утечки капиталов за границу; отсюда вербуются кадры для проведения провокаций против левых партий и профсоюзов.

Потому-то и встречают демонстранты американского посла, шмыгнувшего на кухню, плакатом: «Не хотим соуса по-чилийски к итальянским спагетти!»





ВЫ СПРАШИВАЛИ

«КОЛЛЕГИУМ МУЗИКУМ»

После публикации статьи Л. Переверзева «О непрерывности музыки» в № 10 за 1976 год наши читатели просили рассказывать об ансамблях, интерпретирующих классическую музыку.

Наш корреспондент Петер Бартош сфотографировал во время концерта в родном городе братиславский ансамбль «Коллегиум Музикум» и взял маленькое интервью у его руководителя Мариана Варга.

— Мы играем Генделя, Баха, Моцарта, Гайдна. Мы — это Андрей Хорват, гитара-соло, Иван Белак, гитара-бас, Петер Сапу, ударные. Я играю на электрооргане. Так что по составу вы уже можете судить, в каком ключе мы интерпретируем классику. Вокалистов в нашей группе нет, мы играем только инструментальную музыку, и она пользуется, как мне кажется, популярностью, хотя, конечно, это «музыка для внимательного слушания» и требует определенной подготовленности восприятия. У нас уже три пластинки, нас приглашают на гастроли, в этом году, например, мы едем в ГДР и Францию. Все мы с консерваторским образованием, пишем и сами, но пока все же главное наше дело — нести слушателям прекрасную музыку прошлого. И показать, сколько возможностей дает для ее интерпретации современная электронная аппаратура.





ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Артем ГАЛЬПЕРИН

Он так и сказал: «Если вы поете не дома, а хотя бы перед десятком людей в кабаре — вы повязаны. Рубикон перейден. Вы ответственны. Вот и все».

Максим Ле Форестье говорил тихо, смеялся тихо, да и пел негромко. На концерте его в Театре эстрады я вспоминал трибуна Бреля, «мсье 100 000 вольт» Жильбера Беко, без устали громоздившего свои песни одну на другую, страстного Азнавура, присевшего на корточки у рампы и проговаривавшего свое послание «единственной» зрительнице из первого ряда.

Здесь было все иначе. Казалось, ничего заранее придуманного не было в выходе Ле Форестье. Его ансамбль в «московском варианте» состоял из четырех человек, включая самого Максима и певицу Женевьев Парис, великолепную гитаристку. И этот ансамбль не старался «разогреть» публику, не подхватывал после песни рефрен, чтобы пригласить зал к аплодисментам. Ничего подобного не было.

Несколько вразрез с пышным объявлением диктора — «Поет Максим Ле Форестье!» — спокойно вышел тот, о ком возвестили, аккомпаниаторы — контрабасист Патрис Каратини, гитарист Ален Ледуарэн и скромно, в ряд вставшая к ним Женевьев Парис.

Из ритуала вечера было убрано все, что может помешать песне. Максим Ле Форестье положил на металлический пюпитр тетрадку и сказал по-русски мягко, с акцентом: «А теперь наберитесь терпения, я буду говорить по-русски, хотя школа уже далеко и я был плохим учеником...»

В тот вечер в Театре эстрады звучала хорошая музыка и тонкая, умная поэзия. И еще это был вечер, посвященный Франции. Ле Форестье поет о том, что сейчас, сегодня, сию минуту «держит» за сердце юных француженок и французов. Его поэзия похожа на спокойный умный разговор, мягкий совет, иногда усмешку без сарказма. Как будто пятеро молодых людей сидят за столиком кафе и тихо беседуют. Замените пятого из них собирательным именем «публика», и перед вами встреча Ле Форестье и его музыкантов с тысячным или четырехтысячным — смотря по обстоятельствам — залом.

Однажды ты приходишь в мир,
Но мир не знает ничего об этом,
Не чувствует себя задетым
И не зовет тебя на пир.

Вот этот мотив «прихода в мир» разработан у Ле Форестье чрезвычайно широко. У него есть автобиографическая песня «В феврале этого года», где он рассказывает, что происходило на свете, когда он «пришел в мир»:

Жизнь началась в феврале,
К году атомной бомбы прибавьте четыре
И получите время
Рожденья моего.
И тогда был Вьетнам,
И тогда кто-то падал в холодную Сену
С Нового моста.
Дни шли цепочкой в том самом моем феврале,
Шли медленно,
И до рожденья гитары моей,
казалось, им не дойти.

Он поет о девочке-кукле, которую посетила любовь; о маленьком роботе с двумя проводочками, протянутыми к голове. Два провода к голове, и он выучит правильно все, что надо знать. Нос его привыкнет к запаху бензина, а уши — к городскому шуму. Его принцип жизни будет очень прост: никому не доверять, особенно иностранцам. Друзей у него не будет, и ему не придется оплакивать их смерть. Одним словом, он будет счастлив. Что же делать? «Я советую роботу, — говорит Ле Форестье, — соедини эти два проводка. И тогда либо все взорвется, либо ты станешь поэтом».

Воспитание, формирование поэта — это прежде всего воспитание чувств, формирование собственного обостренного восприятия мира. Именно об этом зашел у меня разговор во время первого интервью с Ле Форестье, но не с Максимом, а с Лили, его матерью, кинорежиссером, сопровождавшей сына во время гастролей в СССР.

«Я не хотела навязывать ему свои взгляды, решать за него его судьбу, — вспоминает Лили Ле Форестье. — Я старалась угадать, что для него главное, и помочь сделать выбор. Но выяснилось, что музыка в нашей семье пользуется абсолютным приоритетом. Максим — младший из трех моих детей. У него две сестры. Все трое еще в детстве начали заниматься музыкой и все стали музыкантами. Анна сейчас преподает в консерватории. Катрин — эстрадная певица, одно время она выступала вместе с Максимом. Как складывалась эстрадная биография сына? В общем традиционно. Сначала, как у нас говорят, он «ходил с протянутой рукой» — пел в кабаре. А потом пластинки, гастроли в Бельгии, Швейцарии, самой Франции сделали свое дело. Его карьера уже получила своеобразную оценку: три недели он держал четырехтысячную публику в концертном зале, что у заставы Майо, в Париже...»

От маленьких кабаре — двадцатиметрового «Шлюза» или крошечного зала «У лестницы Иакова» — до дворца конгрессов у заставы Майо путь длинный, его способны пройти лишь самые одаренные, с сильной волей, упорные до упрямства. Я помню, как в зале Майо выступала труппа знаменитого хореографа Мориса Бежара. Он вытянул в цепочку примерно пятьдесят танцовщиков, чтобы занять все пространство сцены. Но певец не может предложить публике никого, кроме самого себя. Широкая сцена вообще плохо, как говорит Жак Брель, «глаза разбегаются». И задача сконцентрировать на себе внимание четырех тысяч человек — задача трудная. В чем же секрет успеха Максима Ле Форестье? Может быть, в том, что он хорошо знает, чем живут эти четыре тысячи человек, знает их беды и радости, надежды и тревоги.

Он выходит к рампе и говорит: «В Париже есть сад, куда приходят студенты трех институтов, — Люксембургский сад. Студенты здесь спорят, беседуют и иногда говорят не то, что нравится властям. И вот в один прекрасный день сад было решено закрыть. Но ведь сад предназначен для прогулок — здесь отдыхают старики, мамы приводят детей... И объявление было вывешено такое: «Вход запрещен лицам в возрасте от 14 до 40 лет».

Аудитория взрывается аплодисментами, потом сразу тишина, все ждут начала песни «От 14 до 40». И Максим спокойно начинает: «Нужно было рано встать, чтоб сорвать цветок; вслед за птицами я побежал и лужайку отыскал, но за решеткою». Пока — мирное начало песни. «Воровать я не умею, и я — не альпинист, осталось — через прутья поглядеть на лист...» Первый взрыв хохота... «Им мало Ларзака, нужна в Париже драка...» После этих слов — в зале овация...

Ларзак — военный лагерь в Дордони, близ которого была жестоко подавлена манифестация крестьян. И Максим один за другим бросает в зал короткие фразы: «Им мало Дьен Бьен-фу», «Им мало переворота 13 мая» (путч генералов в Алжире в 1958 году), и каждый такой припев бурно встречается аудиторией.

Максим Ле Форестье: «Это был скандал. Запрещение продержалось неделю. Но эхо тех событий звучит и сейчас в моей песне. Надо сказать, что такие темы интернациональны. Например, моего «Парашютиста» включила в свой репертуар Джоан Баэз. Американцам вполне понятен образ солдата, опозорившего себя в колониальной войне и по возвращении на родину поступившего в полицию. Он ничему не научился в жизни, кроме умения убивать и подавлять... Я тоже пою американские песни, и прежде всего Боба Дилана, который, на мой взгляд, сумел, как никто другой, отразить в песне душу своего поколения. Он поет о том, что чувствуют молодые американцы, столкнувшись с жестокой реальностью жизни, попав в полосу «тяжелого дождя». (Одна из наиболее известных песен Дилана так и называется «Тяжелый дождь».) И мы, французы, воспринимаем песни Дилана так, как будто они обращены непосредственно к нам. Конечно, не только из Америки приходят песни. Я с радостью включил в свой концерт песню одного из крупных поэтов современной песни — Булата Окуджавы. Вместе со мной эту песню «А как первая любовь...» поет Женевьев Парис. Выступления в Москве — первый значительный успех этой молодой артистки, у которой, по-моему, большое будущее».

Ле Форестье перенимает лучшее из песенного творчества других стран. В последних его концертах появились более ритмизированные мелодии — явное влияние Дилана и Баэз. Но все же прежде всего творчество Ле Форестье опирается на традиции французских певцов. Первым и главным своим учителем он считает Жоржа Брассенса. В школьную пору чтение даже лучших стихов французских классиков — Гюго, Верлена — не оставляло заметных следов. Его поэтическое воображение проснулось именно тогда, когда он услышал песни Брассенса. Максиму было 14 лет. В отличие от многих своих собратьев по профессии он считает, что нельзя в песне отдавать первенство поэзии. Или музыке. В песне поэзия уже не совсем поэзия и музыка не совсем музыка. Это неразделимый, органичный сплав слова и мелодии. И в этом своем особенном качестве песня способна подсказывать людям истину.

Наш московский разговор о песне с Максимом Ле Форестье продолжался утром после концерта, когда Максим с увлечением играл сам с собой в своеобразное домино — составление слов из костяшек-букв. «Неплохая гимнастика для поэта, — заметил он. — Мы говорили с вами о песне как элементе жизни у нас в стране?»

— Социальном элементе.

— Разумеется, — Максим переставил еще одну букву в костяном кроссворде и продолжал: — Видите ли, песня отчасти стала для нас как воздух. Ее слышно на улице, в магазине, дома, в театре, в машине — это звучащий воздух, которым все мы дышим. И возможно, воздействие, которое песня оказывала и оказывает, состоит не только в этом. Но и в том, что она, говоря словами Экзюпери, «приручает» тысячи людей. Все становятся музыкантами. Любитель классики, постигая Моцарта или Бетховена, все же более стеснен в средствах воспроизведения (я имею в виду не грамзапись, а игру на рояле, скрипке), нежели наши слушатели, которые не только повторяют написанное нами, но и, объединяясь в маленькие, самые скромные ансамбли, получают возможность создавать свою музыку, свои песни. Вот почему песня стала важнейшим элементом жизни, элементом социальным.

И все же подлинных вершин в песне достигают только самые беззаветные ее рыцари, музыканты и поэты, отдающие искусству все без остатка. К их числу относится и Ле Форестье. Он не знает, что такое свободное время, то есть время, свободное от напряженной творческой работы. Лишь раз в году он позволяет себе забросить гитару и, уложив ее в кузов автофургона, отправиться в путешествие за новыми впечатлениями, встречами: за материалом к новым песням. Совсем недавно он проехал тысячи километров по дорогам США, куда его пригласили друзья — Джоан Баэз и Боб Дилан.

Теперь он может позволить себе такие путешествия, успех принес ему не только славу, но и деньги. Кстати, это немало тревожит Максима. «Живя в обществе, которое ты осуждаешь, опасно принимать от него дары. Так можно продать душу. Единственное спасение — оставаться честным до конца перед собой и своими принципами», — говорит Максим.

Песни Ле Форестье безошибочно избирают самые острые темы. Так было всегда, с первых его шагов на эстраду. Либо счастье, либо несчастье. Либо мир, либо война. За справедливость, считает Ле Форестье, нужно драться до конца, причем на бой следует идти спокойно, без лишнего шума и суеты, со знанием дела. Все его песни пронизаны чувством ответственности, ощущением точной позиции.

«Любой певец выбирает позицию. Даже известная Шейла, — говорит Максим, — она поет, положим, о том, что она — дочь «среднего француза», и о том, что она счастлива. Шейла помогает усыплять людей: «Мы обыкновенные французы, нам так хорошо в маленькой квартирке, с маленьким холодильником, маленьким автомобилем. Только оставьте нас в покое». И маленькая Шейла делает немалую работу для властей. У нее есть позиция. Ну а я пою о том, что мир должен быть изменен. У меня тоже позиция — другая».

Слушаешь Максима, и невольно на память приходят слова его любимого писателя: «чтобы быть, нужно сначала принять на себя ответственность... если я принимаю всю ответственность на себя, я тем самым отстаиваю свои человеческие возможности». Так писал Антуан де Сент-Экзюпери. И веру в человека, в его возможности стремится утвердить своей песней поэт и музыкант Ле Форестье.

Максиму еще нет 30, но у него уже есть ученики. Он чувствует талант в неопытном, часто неумелом исполнителе и помогает ему окрепнуть, стать на ноги. Приглашает юных певцов и поэтов для участия в своих концертах и гастролях, как это было с Женевьев Парис. Так же достойно и благодарно он относится к памяти своих предшественников в искусстве. Недавно Ле Форестье пришлось защищать память Эдит Пиаф.

Максим Ле Форестье: «Я написал музыку к песне Сержа Лама «Эдит». Мало о ком распространялось столько посмертных сплетен, как о Пиаф. Вышли в свет целые фолианты о частной жизни великой нашей актрисы и певицы. Ее творческое лицо, ее несравненная музыкальность, интуиция, ее артистическая личность оказались почти скрытыми за потоком сплетен. Эти вóроны хотят потушить хотя бы несколько сверкающих огоньков в короне Эдит Пиаф. Мы хотели защитить ее и сделали, что смогли, — написали песню о ней».

«Да, он всегда и до конца делает то, что может» — эту фразу я услышал за кулисами московского Театра эстрады от одной из французских почитательниц Максима, которая воспользовалась туристской поездкой в СССР, чтобы послушать своего друга за три тысячи километров от Парижа. Говорит известнейшая французская киноактриса Катрин Денев:

— Да, он всегда делает все, что может. В его руках — я никогда не забываю, что Максим превосходный гитарист, — песня — оружие. Когда я вижу, как «команда Ле Форестье» куда-то собирается, тащит в машину инструменты, мне кажется, что я присутствую при начале большого песенного похода, великого шествия. Я очень верю в Максима потому, что его стихи, его музыка умны, интеллектуальны в лучшем смысле этого слова. Он выходит на сцену для того, чтобы песней продолжить наш обычный разговор о делах насущных. И мне нравится после встречи с ним смешаться с публикой и уловить «продолжение разговора».

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

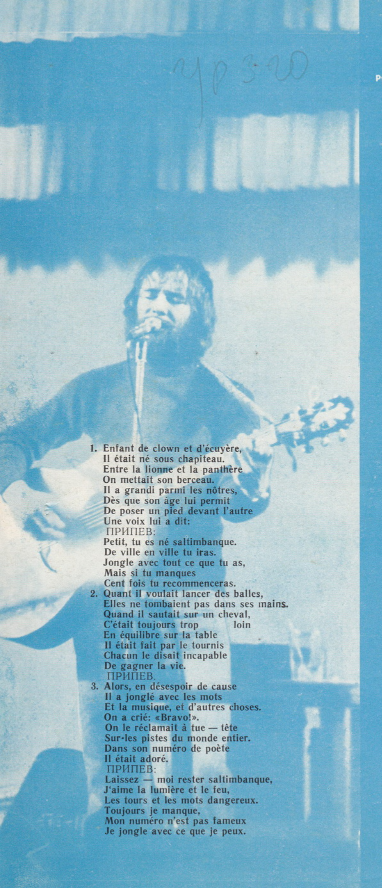
Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление М. М. Ракитнина.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 21/XII 1976 г. Подп. к печ. 4/II 1977 г. А05020. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 2262.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.



1. Enfant de clown et d'écuyère,
Il était né sous chapiteau.
Entre la lionne et la panthère
On mettait son berceau.
Il a grandi parmi les nôtres,
Dès que son âge lui permit
De poser un pied devant l'autre
Une voix lui a dit:
ПРИПЕВ:
Petit, tu es né saltimbanque.
De ville en ville tu iras.
Jongle avec tout ce que tu as,
Mais si tu manques
Cent fois tu recommenceras.
2. Quant il voulait lancer des balles,
Elles ne tombaient pas dans ses mains.
Quand il sautait sur un cheval,
C'était toujours trop loin
En équilibre sur la table
Il était fait par le tournis
Chacun le disait incapable
De gagner la vie.
ПРИПЕВ.
3. Alors, en désespoir de cause
Il a jonglé avec les mots
Et la musique, et d'autres choses.
On a crié: «Bravo!».
On le réclamait à tue — tête
Sur-les pistes du monde entier.
Dans son numéro de poète
Il était adoré.
ПРИПЕВ:
Laissez — moi rester saltimbanque,
J'aime la lumière et le feu,
Les tours et les mots dangereux.
Toujours je manque,
Mon numéro n'est pas fameux
Je jongle avec ce que je peux.

БРОДЯЧИЙ АКРОБАТ

Стихи и музыка Максима Ле ФОРЕСТЬЕ
(Рассказ о нем читайте на стр. 24)
Русский текст Л. ВОРОПАЕВОЙ

1. Отец его был арлекином,
А мать наездницей была.
И, как с батута, был подкинут
Он в мир добра и зла.
А колыбель его висела
Почти над самой клеткой льва,
И слышал мальчик то и дело
Судьбы своей слова:
ПРИПЕВ:
Ты был рожден акробатом —
Всю жизнь менять города.
Держись, малыш, пройдут года,
И при паденье не будешь плакать
ты никогда.
2. И он жонглировал мячами,
Работал из последних сил,
С манежа долгими ночами
Опилки выносил.
Когда однажды трюк не вышел,
И он упал, дыша едва,
Он вновь знакомые услышал
Судьбы своей слова:
ПРИПЕВ.
3. Его распластанное тело
Как будто приросло к земле,
Но сердце смерти не хотело,
И он вскочил: «Алле!»
Как больно было подниматься...
И после шла о нем молва,
Что он под музыку оваций
Подбросил вверх слова:
ПРИПЕВ:
Я был рожден акробатом —
Всю жизнь менять города.
Держись, малыш, идут года,
Но при паденье не должен плакать
ты никогда, никогда.

Цена 25 коп.
Индекс 70781